

СТААКЕР

Дмитрий Силлов

ЗАКОН КРОВООСОСА

Апокалипсис-СТ

Дмитрий Силлов
Закон кровососа

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.121.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Силлов Д. О.

Закон кровососа / Д. О. Силлов — «Издательство АСТ»,
2023 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-153972-6

Снайпер превратился в чудовище. Но Зона пощадила его разум, и теперь он человек, запертый в теле монстра. Существует ли для него возможность вернуть прежний облик? Такой шанс есть. Но для этого ему придется разрушить идеальный мир своего лучшего друга, пройти через научный эксперимент, войдя в смертоносную аномалию, и навсегда разочароваться в тех, кто не раз спасал его жизнь. Стоит ли желание Снайпера такой цены? Тем более что это далеко не все жертвы, которых потребует Зона за его исполнение...

УДК 821.121.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-153972-6

© Силлов Д. О., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Хронология романов о снайпере	6
Автор искренне благодарит:	7
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Дмитрий Олегович Силлов

Закон кровососа

© Силлов Д.О., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Хронология романов о снайпере

СТАЛКЕР. Закон проклятого
СТАЛКЕР. Закон Зоны
СНАЙПЕР. Закон юга
СТАЛКЕР. Закон стрелка
СТАЛКЕР. Закон шрама
СНАЙПЕР. Закон Северо-Запада
КРЕМЛЬ 2222. Север
КРЕМЛЬ 2222. МКАД
КРЕМЛЬ 2222. Сталкер
РОЗА МИРОВ. Закон дракона
СТАЛКЕР. Закон Шухарта
РОЗА МИРОВ. Побратим смерти
СНАЙПЕР. Закон Хармонта
КРЕМЛЬ 2222. Петербург
КРЕМЛЬ 2222. Шереметьево
СТАЛКЕР. Закон «дегтярева»
СТАЛКЕР. Закон Призрака
СТАЛКЕР. Закон клыка
СТАЛКЕР. Закон долга
СТАЛКЕР. Закон свободы
СТАЛКЕР. Закон монолита
СНАЙПЕР. Закон столицы
СТАЛКЕР. Закон сталкера
СТАЛКЕР. Закон торговца
СТАЛКЕР. Закон крови
СТАЛКЕР. Закон Охотника
СТАЛКЕР. Закон Припяти
СТАЛКЕР. Закон якудзы
СТАЛКЕР. Закон лесника
СТАЛКЕР. Закон выживших
СТАЛКЕР. Закон бандита
СТАЛКЕР. Закон Черного сталкера
СТАЛКЕР. Закон Чернобыля
СТАЛКЕР. Закон мутанта
СНАЙПЕР. Закон войны
СТАЛКЕР. Закон затона
СНАЙПЕР. Закон меча
СНАЙПЕР. Закон Кремля
СТАЛКЕР. Закон «Бритвы»
СТАЛКЕР. Закон Фукусимы
СНАЙПЕР. Закон хабара
СТАЛКЕР. Закон кровососа

Автор искренне благодарит:

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алекса де Клемеше, писателя и редактора направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алексея Ионова, ведущего бренд-менеджера издательства АСТ;

Алексея «Мастера» Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»;

Павла Мороза, администратора сайтов www.sillov.ru;

Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по Чернобыльской зоне отчуждения, за ценные советы;

Елену Диденко, Татьяну Федорищеву, Нику Мельн, Виталия «Дальнобойщика» Павловского, Семена «Мрачного» Степанова, Сергея «Ион» Калининцева, Виталия «Винт» Лепестова, Андрея Гучкова, Владимира Николаева, Вадима Панкова, Сергея Настобурко, Ростислава Кукина, Алексея Егорова, Глеба Хапусова, Александра Елизарова, Алексея Загребельного, Татьяну «Джинни» Соколову, Дениса «Морфин» Пинчука, Алексея «Медведь» Медведева, Дмитрия «Шаман» Молева, писательницу Ольгу Крамер, а также всех друзей социальной сети «ВКонтакте» за помощь в развитии проектов «СТАЛКЕР», «СНАЙПЕР», «ГАДЖЕТ», «РОЗА МИРОВ» и «КРЕМЛЬ 2222».

– Стоять!

Их было четверо. Они всегда ходят так, вчетвером. Автоматчик, он же командир, пулеметчик, снайпер, гранатометчик. Удобно для Зоны, практически на все возможные случаи жизни есть свой специалист. Такая здесь жизнь. Насыщенная. В которой без хорошей огневой поддержки долго не протянешь.

Хотя бывает, что и с ней – тоже...

– Стою, – глухо сказал я. – И че?

Говорить было непривычно сложно. И щекотно. Подбородку – особенно. Фиг знает, привыкну я к такому, или заработаю себе нервный срыв, так как щекотку не люблю с детства.

Они стояли, направив на меня огнестрелы, и рассматривали то, что осталось от их товарищей, окровавленные куски которых валялись по всей поляне. Нет, относительно целые тоже были, просто изрешеченные пулями. Но в меньшем количестве. Большинство – в фрагментарном. Неприятное зрелище, конечно. Вон гранатометчик их, с РПГ за спиной и автоматом в руках, стоит бледный, как свежепобеленная стенка, того и гляди блевать начнет дальше, чем видит.

– Это... кто их?

Ну да, понимаю. Прибежали на выстрелы, а тут такое. В процессе осознания увиденного вполне возможны тупые вопросы. Особенно – от боргов, которые стреляют лучше, чем думают.

Мне отвечать не пришлось, вместо меня командир пояснил, по ходу, более опытный, чем пулеметчик, задавший вопрос:

– Сам не видишь? Ктулху поработал. Скорее всего, не один, одного б наши как пить дать завалили.

И, ткнув в меня пальцем, добавил:

– Меня больше интересует, что ты за хрен с горы? И почему на тебе очки Рудого и его шмот?

Я бы мог, конечно, объяснить, что это я завалил всех тех, кто валялся сейчас на берегу болота, включая Рудого, у которого по закону хабара забрал то, что мне было нужно. Но вряд ли такое объяснение удовлетворило бы боргов. Думаю, командир красно-черных уже начал о

чем-то догадываться, но еще не был на сто процентов уверен в своих предположениях. Потому, не дожидаясь ответа, он направил ствол автомата в дужку моих очков и приказал:

– Снимай окуляры. И капюшон. Быстро, нах!

– Угу, – сказал я.

И снял.

Быстро, как и было сказано.

Одной лапой, запакованной в перчатку, очки, другой – капюшон, уже зная, что за этим последует. Потому что, думаю, сам бы на месте боргов изрядно прифигел, увидев такое. На секунду – точно, перед тем, как начать стрелять.

И секундой этой я воспользовался сполна, чтобы, резко присев под линию выстрела и мощно оттолкнувшись ногами, полететь над серой травой словно пуля, пронзившая то место, где я только что стоял. Хотя, конечно, не один свинцовый гостинец это был – очереди раскаленного свинца сейчас распарывали воздух над моей спиной, и я прям голым затылком ощущал их горячее дыхание: с некоторых пор у меня очень чувствительная кожа.

А потом я просто схватил командира отряда за ноги и рванул их в разные стороны, одновременно переворачиваясь на спину. Тяжелое это занятие – разрывать человека, но я справился. Мышцы позволили, их у меня тоже в последнее время с избытком, еле втиснул эти мясные бугры в камуфляж Рудого, упокой его Зона.

На голову мне хлынул поток горячей крови, в левой лапе у меня остался командир боргов, а в правой – его оторванная нога. Ее-то я и швырнул в пулеметчика, рябая рожа которого мне сразу не понравилась. И не зря, кстати: он первый сориентировался и резанул по мне очередью. Больно, блин! Но, к счастью, не смертельно. Тем более что оторванная нога командира, вращаясь, словно городошная бита, врезалась рябому в переносицу, отчего он сразу перестал ковырять пулями мою тушу.

Правда, снайпер в меня тоже очередь выпустил из своего АК, но пули калибра 5,45 для моего тела оказались испытанием терпимым, хоть и неприятным. Но по сравнению с пулеметной очередью – вполне. Настолько, что они даже мой второй бросок не сбили, на этот раз – одноногим командиром. Пришлось поднапрячься, конечно, но я справился: оружий от адской боли свежее испеченный и пока еще живой инвалид сшиб снайпера с ног, словно снаряд, выпущенный из пушки.

А потом я увидел, как гранатометчик целится в меня из РПГ. Разумеется, снаряженным не кумулятивным «Лучом», которым в кино любят стрелять не по танкам, как положено, а по вражьей пехоте. Из ствола гранатомета торчала болванка термобарического «Танина» – очень подходящего боеприпаса для уничтожения самых ужасных мутантов Зоны, который выживает все на хрен в радиусе десяти метров. Разумеется, с такого расстояния и гранатометчику тоже настал бы огненный песец. Но красно-черные народ отмороженный, и им совершенно не запахло отправиться в их борговскую Вальхаллу, поджарившись вместе с врагом.

Вот только в мои планы совершенно не входило превращаться в гигантский стейк с хрустящей корочкой. Но когда враг с такой смертоносной штукой в руках предусмотрительно отбежал назад и до него теперь метров семь, то шансов остаться в живых не остается от слова «совсем». Если только...

Это случилось по наитию. Иногда я сам не понимаю, что творит мое тело, которое почему-то очень хочет жить в отличие от меня. Словно я – это такой пофигист, типа, сдохну – и не жалко. А моя тушка... хммм, теперь уже туша, которая совершенно отдельно от меня думает иначе и всеми силами цепляется за жизнь, придумывая абсолютно нетипичные для меня сценарии.

Вот и сейчас я понимал, что мне настал неизбежный трындец, а тело, не желая разделять со мной это понимание, неожиданно резко и сильно махнуло лапой.

Мою ладонь пронзила моментальная боль, словно туда раскаленное шило воткнули. А потом я увидел, как голова гранатометчика резко откинулась назад. Хлопнул выстрел, но термобарическая болванка прилетела не мне в грудь, а взмыла в небо над Рыжим лесом, словно борг хотел раскочегарить своим огненным выстрелом тусклое солнце Зоны.

И только когда я увидел, что из лба оседающего на землю гранатометчика торчит обновленная рукоять моей «Бритвы», до меня дошло. Проклятый артефакт отнял у меня способности Легенды Зоны, но на мой нож, живущий в моей конечности, это никак не повлияло. И теперь он в очередной раз спас мне жизнь – точнее, это сделали он и мое тело, сохранившее навык бороться до конца в любой ситуации, за что ему, наверно, спасибо. Ибо я не был уверен, хочу ли я жить в теле самого опасного и, пожалуй, самого ужасного мутанта на зараженных землях.

Гранатометчик умер мгновенно, это было сразу понятно.

Снайпер валялся на траве со свернутой набок шеей и расширенными, остекленевшими глазами смотрел себе куда-то за спину, словно увидел там нечто удивительное.

А вот их командиру повезло меньше.

Тело одноногого борга скорчила предсмертная судорога – кровь из обширной культы уже не хлестала, а струилась вялым ручейком, так как за полминуты вытекла почти вся.

Оставался еще пулеметчик, получивший в жбан командирской ногой, который хоть и был в полубессознательном состоянии – не иначе, сотрясение мозга получил, – но все же нашел в себе силы не выронить свой «Печенег», из которого пытался снова поймать меня на мушку.

Скажем так – мне очень не понравился опыт получения в грудь пули винтовочного калибра: я прям чувствовал, как при каждом вдохе деформированные куски свинца с мерзким скрипом царапают мои ребра. Потому я резко сместился в сторону, одним прыжком сорвал дистанцию и рубанул пулеметчика ребром ладони под ухо. Сильно ударил, чтоб гарантированно вырубить, – и, по ходу, не рассчитал своих новых возможностей.

Раздался звук, похожий на тот, с которым рвется буксировочный трос, и голова борга просто улетела куда-то, расставшись с туловищем, которое от удара рухнуло на землю. При этом из разлохмаченного обрывка шеи ударил фонтан крови, обильно обдав темно-красной струей мои берцы.

И вот тут мне вдруг резко поплохело. И не от вида крови, хлещущей из обезглавленного тела.

От ее запаха!

Этот легкий металлический запах витал над всем берегом болота, где мне пришлось не по моей воле устроить настоящую бойню. Но сейчас, когда свежая, упругая темно-красная струя хлестанула мне прямо под ноги, это оказалось последней каплей.

Я только сейчас понял, насколько я голоден! Тело, за столь короткий срок трансформировавшее практически весь подкожный жир в мышечную массу, срочно требовало пищи!

И пищи не обычной...

Я слишком много бродил по Зоне, чтобы не понять, в кого превратился. Добровольно дав болотному ктулху напиться своей крови, я и подумать не мог, что стану жертвой заражения, практически такого же, как в мелодрамах про вампиров. Только превратился я не в смазливую плейбоя со слегка удлиненными клыками, а в мерзкую с виду тварь, от одного вида которой можно со страху дать дуба.

И сейчас я хотел того же, что и мои европейские коллеги из дамских романов. А именно – схватить обезглавленное тело и присосаться к обрывку шеи трупа, жадно глотая жидкую пищу, запах которой просто сводил меня с ума.

Но я сдержался.

По воле случая можно стать чудовищем, но при этом совсем ни к чему вести себя как чудовище. По крайней мере, сейчас мне так казалось. Возможно, пройдет какое-то время,

человеческого во мне останется меньше, и голод окажется сильнее. Однако сейчас я смог пере-силить свое неистовое желание и постарался как можно скорее уйти подальше от столь вкусно пахнущего поля битвы. Лишь напоследок выдернул «Бритву» из черепа мертвеца и привычно сунул ее обратно рукоятью в ладонь.

Получилось неожиданно больно. Мой нож и раньше возвращался в мою руку, даря целую гамму неприятных ощущений, а сейчас мне показалось, что он вернулся на старое место, преодолевая нешуточное сопротивление моей плоти. Будь я человеком, вряд ли осилил бы всунуть «Бритву» обратно. Но тут мускулатура выручила, впихнул резким толчком, через силу. Если так будет дальше продолжаться, то пусть лучше уж мой нож останется в руке навсегда, нежели я буду терпеть такую боль.

Хотя нет.

Не в руке.

В лапе.

Такую граблю, перевитую буграми мышц, называть рукой уже как-то язык не поворачивается.

Сначала я шел, а потом побежал, опасаясь не совладать с собой и вернуться к кормушке. Потому что уже сейчас в моей голове билась мысль: «А чего такого? Жрут же люди быков, свиней, куриц. Почему мне теперь нельзя пить человеческую кровь, если я уже не человек и моральные ограничения людей на меня не распространяются? То есть хомо сапиенсам кушать быка не в падлу. Тогда почему бык должен сдерживаться, если ему вдруг захочется отведать человечинки?»

Вот от этих мыслей я сейчас и убежал по лесу, то и дело затягивая ремень еще на одну дырку, – жир на брюхе горел, словно в топке. При этом мои мышцы продолжали наливаться силой... а щупальца на морде удлинялись. Трансформация продолжалась. Организм переживал ненужное, совершенствуя сам себя. Жаль, что люди так не умеют. Сколько б жира, ненужных органов и волос пошло в дело вместо того, чтобы мешать жизни, лишним грузом болтаясь на тушке и внутри нее.

Я бежал, ловко огибая деревья, так, как никогда до этого не бегал. Будучи человеком, по лесу так не поносишься – или об корень споткнешься, или веткой глаз выколешь. Да и просто сил не хватит лететь по пересеченной местности со скоростью прищипоренной лошади.

Но я бежал свободно, легко, как во сне, увиденном совсем недавно, потому что в ногах силищи было немерено и в руках – не меньше. Опасные ветви плотоядных деревьев, что тянули ко мне свои конечности с шипами-кровопийцами, я просто ломал одним ударом – или подныривал под них прежде, чем они успевали хлестануть меня по лицу. Я перестал думать о плохом и сейчас просто упивался собственной силой, по меркам дикой природы недоступной довольно хилому человеческому телу.

И дело было не только в силе!

Я чувствовал лес, слышал малейшие звуки: как живые корни деревьев шевелятся под землей, как псевдокроты возятся меж этих корней, как где-то примерно в километре отсюда квазимясо точит об камень свои костяные конечности-мечи. Мой нос ловил запахи, недоступные прежде: сладковатую вонь старого кабана, неделю назад сдохшего в кустах от смертельной раны, запах прелой листвы, в которой вчера дрых бюргер, закопавшись в нее по самую макушку... а также ни с чем не сравнимый аромат добычи, по следу которой я бежал.

Еще недавно мои глаза не разглядели бы этот след, оставленный на толстом одеяле опавшей листвы.

Но не сейчас.

Теперь я отчетливо видел эти вмятины, вдавленные в грязно-желтый покров осени, – и не только видел. Глядя на них, я понимал, что добыча очень устала и скоро остановится, чтобы отдохнуть. Она прошла здесь пару часов назад, нас разделяло более пяти километров,

но слабый ветер, путающийся в ветвях деревьев, дул в мою сторону, и потому сейчас я знал о добыче больше, чем, возможно, она сама знала о себе.

Лес был моим домом, который я мог использовать так, как мне нужно. Захочу дом – и лес подскажет, в какой пещере из корней или уютной яме мне лучше укрыться. Пожелаю развлечься – и ветер принесет мне запах юной самочки. А уж с пропитанием вообще никаких проблем: мои чувствительные рецепторы всегда предоставят мне богатый выбор пищи, не хуже, чем у людей в супермаркете. И пусть эта пища при виде меня будет бежать так, как никогда в жизни не бегала, – это бесполезно, так как в этом лесу я самый быстрый, и спастись от меня просто нереально...

Я аж зажмурился на бегу, вспомнив сон, который на сто процентов оказался вещим. Все это я видел буквально пару часов назад, когда еще был человеком, – и вот оно, сбылось в точности! Хотя чему удивляться? Зона порой преподносит гораздо более ошеломляющие сюрпризы. Пора б уже привыкнуть, что на земле, отравленной радиацией и насквозь пропитанной аномальной энергией Выбросов, может случиться что угодно.

И словно в подтверждение моих мыслей я вдруг почувствовал, что у меня резко заболел самый низ спины, после чего почти сразу сзади затрещали штаны. Я аж остановился, офигевая от странного ощущения, словно у меня сзади появилась третья рука пониже спины.

И, оглянувшись, офигел еще больше.

Это был самый настоящий хвост! Толщиной как раз с мою руку и длиной примерно такой же.

Странно...

Что обычные ктулху, что болотные хвоста не имеют. С чего ж у меня-то вылез этот атавизм, вполне обычный и естественный для наших предков, живших пару миллионов лет назад? От них на память нам остался копчик, в те далекие времена бывший полноценным хвостом, отвалившимся в процессе эволюции. И вот сейчас этот копчик в ускоренном режиме отрастал у меня, продолжая толстеть, удлиняться и превращаться в эдакий подвижный кожаный хлыст.

Ощущения, кстати, были непередаваемые. Мой человеческий мозг, который у меня вроде пока не изменился, на уровне логики отказывался принимать пятую конечность – а хвостяру этого я именно так и ощущал...

А вот на уровне чувств все работало прекрасно!

Я даже непроизвольно кончиком хвоста спину почесал, взопревшую под курткой от нервных переживаний. То есть, пока я рефлексировал на уровне человеческих комплексов, тело мое благосклонно приняло дополнительную конечность и тут же нашло ей применение. Ну да, между лопаток хвостом гораздо удобнее чесаться, нежели корячиться, пытаясь достать туда рукой. И жирную квазимуху, усевшуюся на плечо, оказалось очень удобно прихлопнуть гибким и подвижным хлыстом – который, блин, удлинился уже порядочно. Если так дальше пойдет, я вполне смогу задумчиво чесать подбородок не лапами, а...

Ну да, не успел додумать мысль, как подбородок услужливо почесали лицевые щупальца. Мол, если хвостом пока неудобно харю скрести, мы, хозяин, вполне с этим справимся. Ну, замечательно. По ходу, вопрос с почесухой закрыт со всех сторон, причем в буквальном смысле. Теперь осталось найти чего пожрать, и вообще можно считать, что жизнь удалась.

Еда, кстати, не заставила себя ждать. Добыча, за которой я гнался, благополучно убежала, зато на лесную тропинку неторопливо вышел кабан-мутант. Огромная зверюга, с длинными верхними и нижними клыками и маленькими, злобными, красными глазками, глубоко запрятанными в массивный череп. Местные кабаны и так крупные, а этот прям монстр оказался, высотой в холке мне по грудь.

К слову, надо отметить, что эта мутировавшая свинина зачастую оказывается опасней ктулху. Особенно когда хочет жрать и прет вперед без разбора, лишь бы добраться до добычи. Причем питаются эти кабаны не только желудями, но и, как любые хрюшки, жрут все подряд –

приобретя в результате мутаций дополнительную мышечную массу и очень неплохую скорость передвижения, местные кабаны превратились в отличных охотников за свежей добычей.

Не думаю, что кабан, даже таких внушительных габаритов, рискнул бы напасть на взрослого ктулху. Но я был откровенно растерян, мой человеческий разум решительно не хотел адаптироваться к новому телу – а хищные звери очень тонко чувствуют состояние жертвы. И если решают, что она напугана, то действуют соответственно.

Тем более что в тылу кабана я разглядел самку, которая была немного поменьше габаритами, чем самец, и с любопытством наблюдала за тем, каким изысканным ужином сегодня собирается ее накормить клыкастый кавалер.

Я понял, что избежать схватки мне точно не удастся. Редкий мужик упустит шанс выпендриться перед девчонкой, которая ему нравится, даже с риском получить по морде. Тем более – когда она смотрит таким глазами, как сейчас вон та кабаниха. Мол, ну чего, ухажер щетинистый, покажешь, на что ты способен? Не струсил?

При таком раскладе у ухажера обычно случается гормональный выброс, добавляющий плюс десять к силе, наглости, бесстрашию и плюс сто к отключению мозгов. И потому кидается он на противника, уже ничего не соображая и ничего не ощущая, кроме желания рвать, калечить, убивать...

Кабан, по ходу, сейчас ощущал то же, что человеческий подросток, науськанный стервозной подружкой. То есть туман берсерка перед глазами, дурную ярость и осознание того, что «она смотрит!!!».

Все. Этого вполне достаточно, чтобы психически неустойчивому самцу соскочить с катушек. Вот и кабан ринулся на меня со скоростью, неожиданной для такой туши. Стартанул, словно ракета, – только что там был и уже здесь, я даже в сторону отпрыгнуть не успел.

Еще немного, и четыре желтых клыка длиной с половину моей лапы распороли бы мне брюхо, но я чисто рефлекторно успел ухватиться за верхние – и тварь потащила меня по лесу спиной вперед, норовя подмять под себя, растоптать, растерзать. Вот ведь, свинья красноглазая! На нижнюю лапу мне копытом наступил так, что я аж взревел от боли – и совершенно неожиданно для себя рванул эти клыки в разные стороны.

Эффект получился тоже неожиданный. Я фиг знаю, как там у кабанов они крепятся в верхней челюсти, но, по ходу, у этого они там сидели очень крепко. И от моего рывка не сломались.

Сломался череп.

Послышался треск, дикий визг – и в одной моей лапе оказалась половина верхней кабаньей челюсти, оторванная вместе с пяточком по самый левый глаз.

От дикой боли мутант так мотнул башкой, что я не удержался и отлетел метра на три в сторону – правда, мощно спружинив хвостом, тут же вскочил на ноги, бросив оторванную челюсть и по привычке схватившись было за автомат, болтающийся за спиной...

Но стрелять было не в кого.

Кабан стоял, растопырив ноги, покачиваясь из стороны в сторону и наблюдая, как из страшной раны на морде хлещет кровь. Потом не удержался, рухнул на бок и задрывал конечностями в предсмертной судороге.

А кабаниха его, кстати, убиваться от горя не стала. Хрюкнула недовольно – эх, мол, не на того ухажера время потратила, неудачник какой-то оказался, – повернулась толстой задницей к умирающему и неторопливой рысцей направилась в чащу. М-да, жизненная ситуация, нередкая, к сожалению. И не только у кабанов.

Но вдосталь пофилософствовать на тему женского коварства мне помешал желудочный спазм – такое впечатление было, что мои внутренности в баранку заворачиваются. Это, по ходу, изголодавшийся организм опять свежую кровь учуял и на этот раз решительно дал мне понять, что больше таких издевательств над собой не потерпит.

Я больше себя пытать тоже не собирался. Добыча была честно добыта в равном бою, потому никаких моральных комплексов я не испытывал. Подошел к кабану, рванул отросшими когтями мощную шею в области артерии и принялся кушать, оценив при этом, насколько удобная штука ротовые щупальца. С ними к кормушке прям реально присасываешься намертво и качаешь пищу в себя, словно бензин на заправке, горячей струей прямо в желудок.

Я насыщался и при этом не мог отделаться от мысли, что да, кабанья кровь – это очень неплохо, но содержимое боргов, оставшихся валяться на берегу болота, было бы намного вкуснее. Да уж, теперь понятно, почему ктулху так целенаправленно охотятся на людей. Деликатесы мы для них, видите ли. Сама мысль об этом была мне неприятна, но в то же время я уже понемногу осознавал, что теперь старые формулировки мне не подходят. Не «мы для них деликатесы», а «они для нас». Глупо причислять себя к людям, когда стоишь враскоряку, присосавшись к издыхающему кабану, хлебая его кровь и помогая себе при этом держаться за добычу лицевыми щупальцами. Пусть они пока не выросли в шевелящуюся бороду, как у взрослых ктулху, но функцию свою уже исполняли исправно.

Сталкеры народ не впечатлительный, привыкший справляться с трудностями, в том числе и психологического характера. И хоть я и превратился в ктулху, сталкером я от этого быть не перестал. Потому мозги мои, по мере насыщения брюха, потихоньку начали переходить из слегка истеричного режима «всеплоховсепропало» в «данунахпрорвемся». Ну, а если не прорвемся, значит, сдохнем – и хрен с ним, в общем-то. Все равно когда-нибудь придется, и, если разобраться, все эти попытки выжить любой ценой не что иное, как оттягивание неизбежного. Потому настоящий сталкер не заморачивается насчет такой фигни, как страх смерти, а просто идет к своей цели, не отвлекаясь на подобные пустяки.

Я, когда дерусь или кушаю, люблю пофилософствовать – время все равно потрачено, так пусть мозги заодно тренируются, генерируя умные мысли. Ну, типа, я очень надеюсь, что умные, м-да... И чем лучше и плодотворнее проходят драка или жрачка, тем больше я увлекаюсь такого рода размышлениями.

На этот раз я, видимо, ну очень голодный был – хлебал кровь как не в себя, благо ее в кабана было до фига. И если сначала было противно – сырая кровяшка из свиньи, тьфу, гадость какая, – то в процессе я не на шутку увлекся, будто всю жизнь отлавливал кабанов в лесах на предмет выхлебать их досуха, словно химический сок из магазинного пакета. Настолько увлекся, что не слышал шагов за спиной и даже слегка вздрогнул от неожиданности, когда чей-то хриплый голос произнес рядом со мной:

– Ты что за тварь?

Разумеется, я тут же перестал обжираться и попытался отлипнуть от добычи – но от недостатка опыта это получилось не сразу, уж больно конкретно лицевые щупальца впились в кабана. Грустно, ибо пока я пыхтел, отдирая свои отростки от дохлой свиньи-мутанта, с моей спины кто-то снял автомат. Просто отстегнул ремень от антабки и забрал оружие себе. Обидно, конечно, но делать нечего. И винить некого, сам нижней челюстью прощелкал опасность... хотя, наверно, в свете последних приключений вернее будет сказать «нижними щупальцами прошелестел».

Я даже усмехнулся собственным мыслям, пока отдирал от окровавленной кабаньей плоти свое последнее щупло. Отодрал, развернулся...

Я был готов увидеть кого угодно. Боргов, вольных, наемников, нищее отребье, что шарится по Зоне и гордо именует себя «вольными сталкерами».

Но я ошибся.

Потому, что это были не люди.

Передо мной стояли три ктулху. Одеты в камуфлированный шмот и берцы, в отличие от своих голых собратьев, бегающих по Зоне в поисках добычи.

И вооруженные.

В их лапищах автоматы казались бы детскими игрушками, а вот пулеметы «Печенег» смотрелись вполне органично. Кстати, в Зоне машинка не частая и дорогая. Как и явно сшитые на заказ камуфлированные куртки со штанами, в которые мутанты были упакованы, – под такие широченные плечи и непропорционально узкие талии вряд ли удастся найти готовую одежду.

Все трое мутантов вылупились на меня своими белыми гляделками с крохотной, почти незаметной точкой зрачка по центру, и, несмотря на шевелящиеся бороды из щупальцев, на их мордах ясно читалось выражение брезгливости.

– Гадость какая, – сказал один из них, закидывая за спину мой автомат. – У него хвост!

– Да уж, мерзость редкостная, – согласился второй ктулху. – Может, его пристрелить? Или лучше выпить? А то что-то жрать охота.

– Дурак, что ли? – хмыкнул в щупла третий. – Заразишься – и у тебя такая же пакость сзади вырастет.

– Логично, – кивнул второй. – И что теперь с ним делать?

Я переводил взгляд с одного мутанта на другого, и с каждой минутой офигевал все сильнее. Как-то не укладывался в голове организованный отряд самых опасных хищников Зоны, одетых в идеально подогнанную камуфлю, отлично вооруженных и при этом говорящих на чистом русском нисколько не хуже меня.

– Але, уважаемые, – вклинился я в беседу мутантов. – Вы там ничего не попутали?

Ктулху заткнулись, на меня уставились три пары глаз, в которых я, несмотря на практически полное отсутствие в них зрачков, прочел недоумение.

– А чего тут с тобой путать, недопиток болотной твари? – удивился мут, снявший с меня автомат. – Не повезло тебе, бывший хомо: не иначе, ты свою кровь прокурил и пропил так, что болотун тебя только раз хлебнул – и его сразу стошнило. Но то, что ты выжил, это не редкий бонус от судьбы, а ее грубейшая ошибка: к твоему сведению, кусанные болотунами при трансформации очень часто мутируют со страшными отклонениями.

Болотунами в Зоне называют болотных ктулху, которые крупнее и опаснее обычных. И сейчас этот урод намекал на то, что болотун меня инициировал по ошибке, куснув разок и сочтя мою кровь невкусной. Зря он так. Ой, зря.

– Отклонение – это когда ктулху ходят вооруженные, в камуфле, и разговаривают, – улыбнулся я, отчего мои лицевые щупальца совершенно неожиданно растопырились в разные стороны. – А хвост – это приятный и полезный бонус, и мне искренне жаль, что вам никогда не познать, какое это счастье – быть хвостатым.

Ктулху переглянулись.

– По ходу, его не только болотун покусал, но и бешеная крысосообака погрызла, – сказал тот, что с меня автомат снял, – скорее всего, вожак этой небольшой шайки. – Совсем с катушек прыгнул.

– А может, и не покусала, – задумчиво предположил второй. – Просто каждому уроду проще жить, если считать свое уродство уделом избранных. А тех, у кого его нет, – уродами.

Ктулхи реально глумились. И заодно обосновывали для себя мою зачистку. Убивать представителя своего вида всегда проще, если сам себе объяснил и доказал, что все делаешь правильно и что иначе просто нельзя. Тогда и совесть мучить не будет, и даже сам себе плюсов в карму наставишь: вот мол, какой я молодец, зачистил планету от очередной нечисти. Не понаслышке знаю, сам так делал, пока не нашел более действенную методику – ничего не обосновывать, ни о чем не жалеть, просто делать то, что должен, что для себя решил окончательно и бесповоротно.

Но это я. А ктулхи сейчас себя поднакручивали. И то, что у них это получается, я видел по тому, как они свои пулеметы держат. Если вначале их стволы мне примерно в колени смотрели, то сейчас синхронно поднялись, и линии выстрелов четко сошлись у меня между глаз. Если

сейчас по команде вожака на спуски нажмут, то все, приехали. От трех очередей мне никакая суперрегенерация не поможет, башку просто размолотит в кровавую кашу.

Меня это категорически не устраивало. Смерти я давно разучился бояться, но в то же время не согласен быть просто тупо расстрелянным ни за хвост крысособачий какими-то шибко умными и нетипично говорливыми человекообразными мутантами...

В свое время я немало времени посвятил изучению всяких контактных зубодробительных техник, именуемых по-благородному единоборствами. Именно контактных, направленных на причинение максимального ущерба вражьей силе, пытающейся причинить максимальный ущерб мне. По незнанию осваивал все, до чего мог дотянуться, в том числе и не особо полезное – например, «вертушку», которую один великий мастер и актер назвал красиво «удар хвостом дракона».

Понятно, что, поскольку у людей хвоста нет, исполняется ими этот удар пяткой, как в верхний уровень – голову, так и в нижний – по вражьим ногам.

Но теперь у меня был хвост! Длинный, мощный! И пришла мне в голову мысль попробовать, как оно, когда не пяткой, а реально – хвостом!

Ктулхи, кстати, как раз решили привести свой приговор в исполнение и действительно одновременно нажали на спусковые крючки...

Но там, куда они метили, моей головы уже не было. Нырнула она вниз вместе с телом, которое быстро и резко ушло в «нижнюю вертушку», хлестанув хвостом по коленям пулеметчиков.

Вожак группы, кстати, увидев мой финт, сориентировался быстрее подчиненных и повел было стволом вниз – но пулемет штука тяжелая, инертная, и будь ты хоть десять раз супермутант, прицельно из «Печенег» на весу вряд ли получится отработать по быстро движущейся мишени.

А я, мать их шупластую за щиколотку, двигался ну очень быстро: когда чувствуешь макушкой, как пули рассекают воздух над твоей башкой, откуда только силы берутся?

В общем, вожака я своей молниеносной «вертушкой» уделал, подсек ему подпорки словно пастушьим кнутом. Не ожидавший от меня такой подлости ктулху размашисто шлепнулся задницей в лесную лужу и от неожиданности – понятное дело, что не со зла, – резанул очередью по ближайшему подчиненному.

Подчиненный выронил пулемет и схватился за брюхо, в которое довольно кучно прилетел свинцовый подарок от начальства. Я же, воодушевившись начальным результатом, продолжил атаку, долбанув ногой по стволу пулемета, который держал в лапах третий мутант, – успел буквально за долю мгновения до того, как замешкавшийся ктулху привел бы оружие в действие: он уже когтистым пальцем почти всю слабину спуска выбрал.

Главное – успел. «Печенег» коротко твякнул, пули ушли в небо, а мутант взревел – надо же, они, оказывается, все-таки боль чувствуют. Просто резко отвернувшийся в сторону пулемет спусковой скобой сломал палец своему хозяину, и это, судя по воплю и растопыренным во все стороны лицевым щуплам, ктулху очень не понравилось.

Как и то, что я продолжал развивать успех!

Командира, поднимающегося из лужи, со всей дури второй раз хвостом приласкал, но на этот раз – по шее, отчего он снова шлепнулся обратно в грязь. Далее раненому в брюхо и согнутому я нанес удар «гильотина», с приседом хренакнув ему локтем пониже затылка. А тому, что пытался достать изувеченный палец из спусковой скобы, просто задвинул апперкот – душевный, с приседом, заметно увеличившимся кулаком прямо под горестно повисшие щупальца.

Блин, что скрывать, приятно! В одну харю голыми лапами уделать троих самых ужасных мутантов Зоны – это не хухры-мухры! Ну, понятно, не только лапами, но и хвостом тоже, который оказался офигеть каким ценным приобретением! Да уж, здорово подкузьмила человечеству мать-эволюция. Зубы дала хилые, когти вообще никакие, волосы на теле – смех один и

сплошное неудобство. Плюс еще и хвост отобрала. Если разобраться, ктулху по сравнению с человеком гораздо более жизнеспособная модель, у которой и с зубами хорошо, и с когтями отлично, и волос ненужных нет, и у наиболее продвинутой модификации, то есть меня, – еще и просто потрясающе функциональный хвостик!

В общем, я был заслуженно горд собой и уже собирался заняться окончательным вырубанием поверженных врагов перед тем, как начать собирать хабар, – как вдруг...

Бамс!

Удар по затылку был настолько мощным, что у меня чуть глаза из орбит не вылетели. Не устояв на ногах, я рухнул на землю, едва успев подставить лапы, чтоб не впечататься мордой в землю. Правда, удар был настолько сильным, что я все равно б в нее врезался харей, но, к счастью, лицевые щупальца спружинили, вонзившись в почву, – еще один полезный приобретенный бонус, предохраняющий нос от расквашивания. Щупла, конечно, заныли от напряжения, но это мелочи – разбитый нос болит в разы сильнее.

Думаю, если б меня в моей человеческой ипостаси так долбанули по затылку, я бы просто сразу умер. А так только звезды из глаз брызнули да шея зверски заныла, приняв на себя амортизирующую нагрузку. Но, поскольку ее мышцы были раза в три мощнее человеческих, ничего фатально-ужасного не произошло. Я даже не вырубился, и, продолжая удивляться собственной живучести, нашел силы резко перекатиться вбок.

Вовремя! Так как второй удар пришелся в то место, где только что находилась моя башка. Хороший такой удар, душевный. Модифицированный приклад крупнокалиберного пулемета, которым он был нанесен, ушел в землю весь полностью. А я в который раз уже осознал, что праздновать победу и офигевать от собственной крутости имеет смысл только после полной победы.

Так как сейчас на меня, медленно вытаскивая пулемет из земли, смотрел красными от ярости глазами четвертый ктулху. Здоровенный, ростом метра два с половиной, с мышцами культуриста, перекачанного стероидами. И было件нятно, что хрен я успею подняться и предпринять что-то эффективное: мутант, в лапах которого «Корд» с прикладом – огромным, нестандартным, деревянным, спецом заточенным под дубину, – смотрелся как детская бейсбольная бита, по-любому собьет меня с лап вторым ударом. А третьим – стопроцентно прикончит. Грустно, блин. И вдвойне обидно, что помирать придется из-за собственной тупости.

– Продешевил ты, мут, – шипящим шепотом прошелестел ктулху. – Конкретно продешевил. Жизнь свою на понты обменял.

И замахнулся пулеметом, явно собираясь на этот раз не промахнуться прикладом...

Думаю, у него бы получилось, так как голова у меня конкретно кружилась от предыдущего удара, а от резкого переворота на спину звезды перед глазами вернулись, изрядно подпортив видимость и ориентацию в пространстве. Но вот это «продешевил ты, конкретно продешевил» я где-то определенно слышал...

И тут мне в мозг словно молнией долбануло – настолько резко и отчетливо я вспомнил, где слышал это шелестящее «продешевил»!

Ну да, конечно!

Бар другой Зоны, забитый невиданными ранее мутантами... Я с Виктором Савельевым в этом баре продаю бесценный артефакт за еду, патроны и спокойный ночлег... И ктулху рядом за стойкой, говорящий по-русски так же свободно, как любой хомо в нашей Чернобыльской Зоне.

– Хашщ? – хрипло вытолкнул я из себя.

В налитых кровью глазах мутанта что-то мелькнуло. Осмысленное? Возможно. Но, как бы там ни было, удар тяжеленного приклада, летящий сверху, было уже не остановить...

Я, конечно, дернулся в сторону, осознавая, что это бесполезно, что не успею я спасти свою башку от превращения в кашу из разбитых извилин и разорванных щупальцев...

Но в последнее мгновение суперктулху каким-то фантастическим усилием немного изменил направление удара.

Приклад, обитый стальными полосами, смачно врезался в землю в сантиметре от моей ушной раковины. И тут же ко мне придвинулась довольно гнусная красноглазая харя с угрожающе растопыренными ротовыми щуплами.

– Откуда ты меня знаешь, хвостатый? – прорычал ктулху.

Я усмехнулся.

– Много в Припяти утекло воды с тех пор. Бар «Смертельная доза», двое хомо в том баре, кольцо Черного сталкера, которое досталось от бабушки одному туповатому ктулху, убийцы-смертники в темном коридоре¹...

– Погоди. – Мутант собрал кожу на лбу в гармошку. – Откуда ты все это знаешь? Там же, в том коридоре, были только...

– Ты, я и мой друг по прозвищу Японец.

– Не может быть, – выдохнул ктулху, и я невольно поморщился – неужели и у меня изо рта так воняет?

– Не может быть, – повторил Хащц. – Снайпер?

– Ага, – отозвался я. – Он самый.

Изумление на морде ктулху картина довольно гротескная. Глаза Хащца выпучились, пасть приоткрылась, растопыренные ротовые щупальца изогнулись в форме вопросительных знаков.

– И как тебя... угораздило?

– Хвостом обзавестись и осьминожьей бородой? – хмыкнул я. – Да помог одному из вашего племени на свою голову.

– Крови дал из себя хлебнуть, – кивнул Хащц, приходя в себя от удивления и присаживаясь рядом на серую траву. – А поскольку ты сам отчасти мутант, то у тебя бонусом еще вот эта гадость отросла. Смотреть тошно.

Он кивнул на мой хвост.

– Я тоже рад тебя видеть, – отозвался я. – А ты что с собой сделал? Не мускулатура, а мясной магазин. И куда твоя девушка подевалась?

Хащц вздохнул.

– Не срослось у нас. Я говорю на человеческом, она – на своем, который я с трудом понимаю. Плохо, когда между самцом и его самкой нет общего языка.

– Это точно, – согласился я.

– В общем, ушла она от меня, – помрачнев, произнес мутант. – А я с горя пошел куда глаза глядят. Вижу, в лесу торчит какая-то аномалия цвета Выброса. Ну, я прям в нее и направился, жизнь не мила стала. И давай меня та аномалия корежить. Боль – адская. А я, помнится, лег тогда на землю и решил: и хрен с ней, пусть убивает.

– Не убила? – поинтересовался я.

– Как видишь, – хмыкнул Хащц. – Я там в ней несколько раз сознание терял и каждый раз думал, что помер. В конце концов я ей надоел, и она уползла куда-то. А я стал таким. Мыщ на двух ктулху хватит.

– Это Красное Поле Смерти было, – сказал я. – Такой эффект только они дают. Бывает, что эти Поля к нам из мира Кремля переползают.

– Спасибо за информацию, буду знать, – ослабил Хащц. – В следующий раз ее увижу, всех своих придурков туда загоню, чтоб меня не позорили.

– Не понял.

¹ Эти события описаны в романе Дмитрия Силлова «Закон якудзы» литературной серии «СТАЛКЕР».

– А чего тут не понять? – Хащц кивнул на трех ктулху, двое из которых ворочались на земле, приходя в себя, а третий сидел на заднице и сосредоточенно выковыривал пули из своего брюха. – Позорище. Хорошо, что никто, кроме тебя, не видел: один хвостатый мутант вырубил троих модифицированных ктулху, да еще и вооруженных. Мой патруль, ага.

– Слушай, я вообще не понимаю, о чем ты, – сказал я. – Почему они модифицированные? И что значит «твой патруль»?

Хащц вздохнул.

– Ну да, ты не в теме. Короче, я когда из того Красного Поля вылез, до меня свора местных ктулху докопалась, наверно, внешность моя не понравилась. Типа, если не такой, как все, значит, надо замочить. Ну, у них ничего не вышло. Пока я с двумя разбирался, третий зашел сзади, прыгнул, впился мне в шею и давай кровь хлебать. В общем, двое из этих придурков не выжили, а третьего насосавшегося я не добавил – сил не осталось, сам в обморок грохнулся. А как в себя пришел, смотрю, тот насосавшийся сидит, плачет. Я сначала и его грохнуть хотел, а потом подумал, что ни разу не видел плачущего ктулху. «Чего реवेशь?» – говорю. А он мне: «Корешей жалко, вместе росли, первый раз из гнезда вышли на самостоятельную охоту». И тут до меня дошло. В вашей Зоне ктулху и не плачут, и не разговаривают. Тупые они. А этот – заговорил после того, как моей крови нахлебался. Чуешь аналогию?

– Еще как, – вздохнул я. – Он через кровь твои способности перенял, как с диска на диск инфу переписал. Практически мой случай, только у меня наоборот – в меня инфу вкачали со слюнями, вот я и модифицировался.

– Соображаешь! – Хащц мощно хлопнул меня по плечу. – Такая вот у нас, кровопийц, вампирская способность к инициации хомо до ктулху и к модификации обычного ктулху до существа, умеющего мыслить как хомо.

– То есть ты наловил местных упырей и впоил в них свою кровь, – сказал я. – Прокачал интеллект, а также бонусом способность трендеть и выпендриваться.

– Ну, типа того, – самодовольно ощерился Хащц. – Теперь нас целый клан, и я его предводитель.

– А чего они у тебя такие медлительные и бестолковые получились? – поинтересовался я. – Типа, яблонько от яблоньки и все такое?

– Если я еще сомневался, что ты Снайпер, то теперь удостоверился, – проворчал Хащц. – Я уж и забыл про твои приколы. Как думаешь, если их твоей кровью напоить, они станут скоростными и толковыми?

– Не думаю, – покачал я головой. – Что выросло – то выросло, сделанного не воротишь, и лечить приобретенную тупость дело совершенно безнадежное. Плюс ты ж не хочешь, чтоб у членов твоего клана выросли омерзительные хвосты?

– Сейчас я хочу повыдергать тебе щупальца, а потом свернуть голову, – буркнул Хащц.

– Ну ладно, ладно, на тему интеллекта затыкаюсь. – Я дружелюбно приподнял верхние щупла и хлопнул Хащца по мощному плечу. – И чем ваш клан занимается?

– Выживает как умеет, – мрачно отозвался предводитель лесных интеллектуалов. – Логово у нас в другом месте, сюда мы только на охоту выходим.

– Людей отлавливаете? – прищурился я.

– Ага, – отозвался Хащц. – Только не убиваем, а именно отлавливаем. В гости к нам не желаешь зайти, посмотреть, как мы устроились?

Честно говоря, не было у меня ни малейшего желания тащиться в логово мутантов-кровопийц, не любящих соплеменников с хвостами. Но окончательно обидеть Хащца отказом тоже не хотелось – и так уже языком намолол достаточно. Есть у меня такой грех – порой как начинаю кого-то подкалывать и не могу остановиться. А оппоненты, когда у них не получается отбрехаться, порой обижаются. Я ж в целом-то не со зла, просто натура такая вредная, но поди объясни, что ты не оскорбить хотел, а просто подшутить.

Я кивнул.

– Ладно, показывай свое вампирское гнездо.

Пока мы беседовали, подчиненные Хащца окончательно пришли в себя и теперь периодически бросали в мою сторону хмурые взгляды, не сулящие ничего хорошего. Думаю, если б не Хащц, они однозначно сейчас же бросились разом на меня, и тогда мне пришлось бы несладко. Понятное дело, что мне удалось их вырубить благодаря эффекту неожиданности, и если б они меньше выпендривались, офигевая от собственной крутости и полагаясь на свои пулеметы, то мне бы не поздоровилось.

– Кстати, а почему пулеметы? – поинтересовался я.

– В смысле? – Хащц удивленно приподнял надбровные дуги.

– Ну, почему у вас у всех пулеметы? Не автоматы, например, или винтовки.

– А, ты об этом, – махнул лапой ктулху. – Да просто срослось так. На базу армейских сталкеров грузовик шел от кордона со жратвой, патронами, гранатами и нулевыми пулеметами в ящиках. «Корды», «Печенег», ПКМ и много чего еще. А мы его перехватили на повороте, где водила всегда скорость сбрасывает. Отработанная тактика. Двое прыгают на капот, локтем или башкой выбивают лобовуху, а дальше, главное дело, одному быстро водиле голову свернуть и руль удержать, пока второй с пассажиром разбирается. Ну и как машина притормозит, толпа наших ныряет в кузов и зачищает тех, кто там. Так что теперь мы все пулеметчики.

– Ясно, – сказал я. – Чего ж тут неясного.

– Ну, если ясно, тогда пойдем в гости, – сказал Хащц, поднимаясь с земли. При этом его тело вдруг резко побледнело, и почти тут же сквозь голову мутанта стали видны стволы деревьев – ктулху умеют почти мгновенно становиться невидимыми, и Хащц не исключение. Буквально через несколько секунд он напоминал персонажа известного фантастического романа: в воздухе висела одежда, заправленная в берцы, а ни головы, ни лап видно не было.

Рукав пустой с виду камуфлы взметнулся вверх – и резко опустился, словно невидимым ножом разрезав пространство. Ну да, как мне пояснил недавно представитель той породы, ктулху умеют в режиме невидимости пробивать «кротовые норы», в том числе между мирами. Что Хащц только что и продемонстрировал.

Дыра в пространстве зависла в полуметре над землей. Висящая в воздухе камуфла повернулась к подчиненным, и из нее раздался знакомый рык:

– Вам чего, особое приглашение надо, лузеры, мать вашу!

Трое побежденных мною «лузеров», уныло повесив ротовые щупальца, направились к открывшейся дыре в пространстве.

– Быстрее, наххх! – рявкнула пустая камуфла, и ктулхи, словно получив по пинку под зад, резво попрыгали в портал.

Я не стал ждать, когда Хащц выскажется и о моей расторопности, и поспешил последовать за его подчиненными – тем более что края портала уже начали сходиться. «Кротовые норы» вообще долго не живут, потому в таких случаях лучше не щелкать нижней челюстью, а быстрее нырять куда сказано. Последним в портал протиснулся Хащц, голова и лапы которого уже вернулись к своему первоначальному непрозрачному состоянию.

Огляделся я, дабы понять, куда попал, – и невольно присвистнул.

Это была не Зона.

По крайней мере, не Чернобыльская точно...

Мы находились на обширной поляне, окруженной очень странными деревьями ядовито-зеленого цвета, похожими на гигантские грибы. Ножки-стволы толстые, узловатые, а наверху – студенистые шляпки диаметром примерно от пяти до десяти метров. Которые, к слову сказать, лениво шевелились – как и стволы, кстати. Я аж подвис слегка, глядя вверх на эдакое чудо. И невольно вздрогнул, когда одна из шляпок внезапно схлопнулась, словно огромный зонт, – только не вниз краями, а вверх.

– Чего завис? – поинтересовался Хащц. – Это слизевики-переростки, на летающих крыс охотятся.

– Слизевики? – не понял я.

– Не слышал, что ли? В твоём мире они тоже есть, только мелкие. Хрен пойми что. Не грибы, не растения, не животные. А может, и то, и другое, и третье вместе. Одноклеточные твари с коллективным разумом, здесь ими весь карман зарос.

– Карман? – снова не понял я.

– Ну да, – пожал плечами Хащц. – Микромир, прилепившийся к основному. Придаток, типа аппендикса. Их у каждой вселенной может быть множество, нужно только знать, как в них попасть. Идеальное убежище, не нуждающееся в охране – слизевики чужих мгновенно сожрут, им это раз плюнуть.

Словно в подтверждение его слов одно из деревьев-грибов сложило свою шляпку на этот раз правильным «зонтиком», прижав ее к стволу, наклонилось до земли – и довольно шустро поползло к нам. Жуть, конечно, тем более что верхушка «деревя» представляла собой не что иное, как большой, внимательный глаз.

– Спокойно, не дергайся, – зевнул Хащц. – Это разведчик. Понюхает, поймет, что ты с нами, и вернется.

Так и случилось. Четырех ктулху деревогриб только окинул взглядом, ко мне же подполз поближе и пристально на меня уставился.

– Да свой он, свой, – сказал Хащц. – Вы же знаете, сюда я привожу или своих, или добычу. Врагов не привожу, оно нам не надо.

Однако, несмотря на лестную характеристику, слизевик еще полминуты меня разглядывал, после чего, извиваясь змеей, развернулся и пополз обратно, к роще соплеменников.

– А ты-то как с ними договорился? – поинтересовался я.

– По бартеру, – отозвался Хащц. – Они нам дом, защиту и покровительство, мы им – жратвеньку по возможности. Скоро сам все увидишь. Пошли, все покажу.

Кстати сказать, посреди поляны возвышался внушительный холм, густо поросший мхом того же цвета, что и слизевики. Здесь, по ходу, весь мир был такой расцветки, даже хмурое небо, нависшее над шляпками слизевиков, отдавало нездоровой прозеленью.

А холм, надо отметить, был довольно правильной формы, эдакая полусфера, словно накрытая толстой и мохнатой маскировочной сеткой.

– Боюсь предположить... – начал было я, пока мы неторопливо шли к холму, но Хащц меня перебил.

– Не предполагай. Это старый противоатомный бункер. Кто-то очень могущественный испугался, что в основном мире вот-вот начнется ядерная война, и свинтил в «карман». Или построил его, с них, могущественных, станется. А вот воспользоваться не смог – я это убежище пустым нашел. Никого внутри не было, ни души, даже воздух откачан. Чуть не сдох, пока изнутри дверь открыл.

– То есть, если я правильно понимаю, бункер был законсервирован, и ты воспользовался «кротовой норой», чтобы попасть внутрь.

– Правильно понимаешь, – ощерился Хащц. – Пробил в режиме невидимости короткий коридор, и одна нога здесь, вторая там. В общем, все необходимое внутри оказалось. Система жизнеобеспечения на двести человек, запасы продуктов, склады оружия и униформы любых размеров. И, конечно, научная лаборатория, точнее, целый мини-институт с мини-заводом для производства чего угодно. И это чего угодно ты сейчас попробуешь!

Когда мы подошли ближе, в холме отъехала в сторону массивная бронированная створка, открыв проход внутрь. Мы вошли, и я оценил, насколько местные ктулху не любят непрошенных гостей. В пяти метрах от входа был оборудован блокпост со стационарным огнеметом по центру

и двумя крупнокалиберными пулеметами по бокам. Если кто не тот припрется, одновременно и поджарят, и свинцом нашьпигуют, как булку изюмом.

Но Хащц дал отмашку, и три ктулху, державшие на прицеле наш отряд, вытянулись в струнку и отдали честь, приложив когтистые лапы к каскам. Да уж, нехило мой старый приятель поднатаскал свою армию. Двойственное чувство, кстати, когда такое видишь. С одной стороны, карикатурная пародия на нас, людей, с другой – жутковато немного становится, когда из-под каски на тебя смотрят белые глаза без зрачков, под которыми пучок щупальцев шевелится.

«Ага, на нас, людей, пародия, – усмехнулся я, когда осознал, что продолжаю думать как человек. – Сам ты, блин, пародия для них, вон как на твой хвост косятся».

По ходу, на мой внешний вид плевать было только Хащцу. Он довольно быстро свыкся с тем, что я стал похож на него и его соплеменников, и общался со мной так же, как и раньше, – ну, может, с некоторой ноткой сострадания, как психиатр со свеженьким сумасшедшим, пока еще не втыкающим, что он серьезно болен и это не лечится.

– Ты, короче, главное, не паникуй, – вещал Хащц, пока мы, спустившись вниз по работающему эскалатору, шли по коридору. – Быть нами – это лучше, чем мучиться в людском обличье. Ктулху сильнее, выносливее, у нас скоростная регенерация, мы практически не боеем и при этом сохраняем человеческое мышление. Думаю, можно сказать, что мы новая ступень эволюции человека, подвинувшая его с вершины пищевой цепочки.

Коридор, по которому мы шли, разветвился на три. По мановению лапы Хащца хмурые члены его отряда свалили в левый коридор, стараясь не смотреть друг другу в глаза, – поражение от хвостатого меня они переживали очень серьезно. А мы с Хащцем свернули направо, к раздвижным бронированным дверям, над которыми красовалась рельефная надпись «Лабораторный комплекс», выполненная на бронзовой доске.

Меня это не особо удивило. Стало быть, подземный город был построен во времена СССР – тогда любили мутить глобальные секретные проекты. И этот вымутили с размахом.

Комплекс лабораторий внешне напоминал первые станции Московского метрополитена – масштабно, роскошно, с резными колоннами, подпирающими потолок, мраморным полом, большими круглыми лампами в бронзовом орнаменте, вмонтированными в потолок. Ну и размеры комплекса впечатляли. Думаю, это был только минус первый этаж площадью не меньше квадратного километра, так как я заметил еще один эскалатор, ведущий вниз.

Сам этаж был разделен на сектора, отгороженные где прозрачными вертикальными перегородками, выполненными из толстого стекла, а где-то непрозрачными цвета того же мрамора, что лежал на полу. Причем наличие этих перегородок не мешало оценить масштаб этажа, в центре которого возвышалась трехметровая бронзовая фигура ученого в халате и очках, задумчиво держащего в руках земной шар размером с волейбольный мяч. Ученый словно прикидывал, оставить планету еще пожить-покрутиться или же лучше разбить ее о мраморный постамент памятника чисто из милосердия, чтоб не мучилась тяжелым заболеванием под названием «человечество». В целом, на мой взгляд, безвкусица в попытке совместить советский «стиль триумф» с современными тенденциями.

– Думаю, это все проектировали, чтоб кому-то очень серьезному пустить пыль в глаза, – сказал Хащц, направляясь к перегородке из черного мрамора. – Хотя эти заборы я не одобряю. Конечно, удобно, чтоб ученые и общались друг с другом, и у каждого было что-то типа личного пространства. Но по мне, лучше б сделали отдельные кабинеты. Солиднее.

– Мне кажется, ты слегка зажрался, – заметил я. – Отхватил себе небольшое государство, а теперь сетуешь, как все хреново.

– У каждого государства свои проблемы, и у большого, и у небольшого, – проворчал Хащц. – Причем не факт, что у маленького их меньше. Но при наличии финансовой базы от продажи артефактов и много чего еще, а также команды ученых, работающих на твое государство, есть возможность изыскать средство не обращать внимания на проблемы. Пошли, короче.

И зашел за перегородку, где, как я понял, был оборудован его личный кабинет площадью метров пятьдесят, отделанный с показной роскошью: большой старинный дубовый стол, резные стулья, кожаный диван, местами потертый, но вполне пригодный к эксплуатации, явно дореволюционный шкаф с финтифлюшками и куча всякого-разного другого барахла в стиле «дорого-богато», которое, думаю, стащили сюда со всего этого подземного общежития. Вот уж не думал, что у Хащца прорежется вкус окружать себя антикварными вещами сомнительной ценности. Хотя, если у людей такое часто случается, когда на них сваливается богатство, то чем модифицированные ктулху хуже? Мозг-то у них человеческий, значит, и недостатки должны быть свойственные хомо сапиенсам.

– Ща оттянемся, – сказал мутант, и, ловко лавируя между громоздким барахлом, подошел к шкафу. Открыл одну створку – и оказалось, что старинный шкаф некий талантливый умелец превратил в большой холодильник, запихнув в древнее нутро современное оборудование. Внутри холодильника стояли колбы, заполненные какой-то жидкостью серого цвета.

Хащц осторожно, чуть ли не с благоговением вынул две, ногой захлопнул дверь холодильника, одну колбу протянул мне, при этом аккуратно звякнув об нее своей.

– Ну, давай за встречу.

– Это что? – подозрительно поинтересовался я.

– Продукт нашей разработки, – гордо произнес мутант. – Ты вроде перед тем, как с моими схлестнуться, кабана выпил, верно?

Не помню, чтоб Хащцу об этом докладывали его подчиненные, но, может, и шепнул кто, я не следил.

– Ну, допустим.

– И как?

– Что как?

– Жрать хочешь?

Хащц угадал. Несмотря на выпитого кабана, в котором кровищи было немало, я чувствовал себя так, будто неделю не ел – того и гляди сдувшийся желудок к позвоночнику прилипнет.

– Ну... да.

– Вот! – сказал мутант, подняв кверху когтистый палец. – Кровь животных у нашего брата очень быстро усваивается, что пил, что не пил. А теперь попробуй то, что я тебе дал. Ну, будем.

И, вынув стеклянную пробку, опрокинул в себя содержимое колбы, бережно придерживая горлышко ротовыми щупальцами.

На вид то, что было в колбе, выглядело так себе. Серая густая масса. И пахло оно как не очень свежее мясо. Но свою порцию Хащц высосал аж прижмурившись от удовольствия. Да и не принято как-то среди порядочных людей после того, как чокнулись посудой, морду от предложенного воротить... Людей, м-да, ага. Опять. Ладно, когда-нибудь я привыкну, что человек – это уже не ко мне.

В общем, зажмурился я, дыхание задержал и содержимое колбы в себя вылил...

На вкус оно оказалось тоже так себе – не вывернуло, но близко к этому.

Но вот потом...

Почти сразу по телу разлилось приятное тепло, волной от желудка вверх и вниз, от макушки до самого кончика хвоста. И усталость как рукой сняло, и сил прям очень резко прибавилось, показалось, что сейчас при желании смогу до потолка допрыгнуть, хотя до него метров шесть было, не меньше. И на душе как-то очень хорошо стало, давно так классно себя не чувствовал.

– Ну как? – ухмыльнулся Хащц.

– Офигенно! – совершенно искренне произнес я.

– Вот! – повторил Хащц, вновь задрал палец к потолку. – Вот за эту штуку нам теперь со всей Зоны артефакты тащат на обмен, так как она не только на ктулху благотворно действует,

но и на людей тоже. С одной порции прилив сил, хорошее настроение и отсутствие голода гарантированы примерно на сутки. Всего два дня торгуем, а клиенты уже оценили.

– Два дня?

– Ну да, формулу до ума довели недавно, до этого эффект был значительно слабее.

– Ясно. И как назвали волшебную жидкость?

– Санга.

– Санга? – удивился я. – От «Сангрии», что ли?

– Не знаю, – покачал головой Хащц. – Тот, кто довел ее до ума, тот и назвал. Главное, что она работает, да еще как. И пища для нашего клана, и источник дохода. Что может быть лучше? Ты вовремя пришел, дружище. Присоединяйся к нам, коль уж так судьба сложилась. Откровенно говоря, среди людей тебе давно места нет, а в нашем клане очень уважают хороших воинов. Хвост тебе отрежем, есть у нас мастер на все руки – ученый, врач, хирург...

– Себе щупла отрежь, – сказал я, машинально погладив хвост, кончик которого словно сам лег в лапу.

– Ну, ладно, ладно, ходи с ним, – примирительно сказал Хащц. – Наши покосятся еще, конечно, потом привыкнут. По второй будешь?

Я покачал головой. Что к незнакомой пище, что к напиткам привык я в Зоне относиться осторожно. Хорошего понемножку. Еще неизвестно, какие с этой серой санги побочки могут быть.

– Ну, как хочешь, а я хлопну, – сказал Хащц, доставая из холодильника еще одну колбу. Выпил, размахнулся, крикнув, разбил посуду об пол.

– На счастье!

М-да, а со второй порции глаза у Хащца хорошо так заблестели. Похоже, эта санга в малых дозах бодрит, а в больших по шарам долбит. Правильно я от второй дозы отказался.

А Хащца и правда расколбасило. В речи и движениях некая порывистость появилась, взгляд блестящих глаз слегка поплыл – но пока что ктулху вроде был в адеквате.

– Пошли производство санги покажу, – сказал он. – Технология ваще круть, двадцать третий век!

– Ну, пошли, – сказал я. Охота хозяину похвастаться своим достижением – отчего бы не уважить?

Мы и пошли в зал, заставленный перегородками, имитирующими офис. При входе было непонятно, кто за ними прячется, но когда мы с Хащцем шли мимо, я удивился. Думал, там шибко умные ктулху тусить будут, но ошибся.

За перегородками стояли офисные столы с компьютерами, за которыми сидели самые обычные люди. Работали. А по залу лениво прохаживались ктулху в военной униформе и с пулеметами. Понятное дело, охрана, чисто чтоб у работников не возникало ненужных мыслей, отвлекающих от созидательного труда.

– Тут у нас умственная работа идет над улучшением формулы санги, – сказал Хащц. – А также планирование бизнеса, связь с партнерами, бухгалтерия – ну, ты понимаешь.

– Ага, – кивнул я. – Понимаю.

Люди, что сидели за компами, выглядели неважно. Лица бледные, глаза впалые, но не сказать, что работники истощены непосильным трудом. Люди как люди, в офисах на Большой земле таких вот трудяг миллионы сидят, и зачастую замучены еще больше – в наше время деньги не просто зарабатываются. Но что странно: у каждого работника на спине висел небольшой стальной баллон, закрепленный двумя лямками на манер рюкзака и плюс еще дополнительно зафиксированный на шее толстым воротником, выполненным из какого-то полимера. Воротник тот был похож на подушку, формой напоминающую маленькое сиденье для унитаза, – их берут с собой в самолеты опытные путешественники, чтоб шея не уставала.

– А это чего такое? – поинтересовался я, ткнув пальцем в ближайший баллон.

– Терпение, друг мой, – сказал Хащц. – Скоро все узнаешь. Пошли теперь покажу наше производство, которым я по праву горжусь!

Я мазнул еще раз взглядом по согнутым спинам компьютерных работяг – и одна из них показалась мне знакомой. Не сама спина, конечно, а то, как ее владелец увлеченно, азартно, с явным интересом молотил по клавишам клавиатуры, в отличие от своих соседей, которые без особого энтузиазма просто выполняли свою работу, чтоб не получить пулю в затылок. Ну и прическа, опять же...

– Ты чего там залип? – Хащц дернул меня за рукав. – Пошли, говорю, фиг где еще такое увидишь.

По эскалатору мы спустились вниз – и я правда изрядно обалдел от увиденного. Нижний зал, такой же по размерам, как и верхний, был заставлен аквариумами. Большими, метра два на три площадью, и высотой до потолка, который тут был пониже – метра четыре, может, или около того. Внутри каждого аквариума стояла советская раскладушка, небольшой стол, стул и... лестница. Четырехметровая, до самого потолка.

А внутри этих прозрачных прямоугольных камер, выполненных, похоже, из пуленепробиваемого стекла, сидели люди – по одному на аквариум. Нетрудно догадаться, что за люди. Многие из них были в типичной одежде сталкеров-одиночек: камуфля, дождевик, берцы. Правда, имелись здесь и персонажи в униформе известных в Зоне группировок: «Борг», «Воля», наймиты – но в меньшем количестве... Военных я тоже пару человек разглядел.

Понятно.

Кого отряд Хащца в Зоне отловит, того сюда и тащит.

У каждого из заключенных на спине также находился баллон – правда, не металлический, а стеклянный. Небольшой, величиной с двухлитровый термос. И в каждом этом «термосе» вязко плескалась кровь. Где-то немного, на четверть объема сосуда. Но было и побольше, примерно на треть.

– Вот он, гуманный сбор материала для санги! – явно гордясь собой, проговорил Хащц. – Никто не умирает – ну, почти никто, иногда датчики автодоилок ошибаются, и приборы забирают лишнее. Но это случается редко.

– Кровь – это материал для санги? – спросил я, внутренне закипая. – То есть ты меня человеческой кровью напоил?!

– Спокойно, дружище, – ощерился Хащц. – Я ж сказал: кровь лишь материал, основа. Я не силен в химии, но тот ученый, что разработал оптимальную формулу санги, говорил что-то насчет окисления железа в гемоглобине, мол, за счет этого кровь становится серой, если я ничего не путаю. Плюс он еще какие-то добавки в нее мешал, сок слизевиков в качестве катализатора реакции, еще чего-то...

– Этих тварей, что снаружи растут, живых грибов? – скривился я.

– Слизевики не грибы, – укоризненно произнес Хащц. – Они...

– Да плевать, что они такое, – рыкнул я, ощущая признаки тошноты в брюхе. Понятное дело, эффект психологический, но какая разница блюющему, отравился он или сам себе надумал проблему, – эффект-то один и тот же. – Блин, ща реально блевану твоей сангой.

– Это в тебе человеческое еще не до конца выветрилось, – вздохнул ктулху. – Ну вот сам подумай – а чего такого в том, что мы пьем кровь людей? Просто она для нас лучше всего подходит, вот мы и употребляем оптимальный продукт.

– Дикость это, – поморщился я.

– Да ну! – удивился Хащц. – А чего тогда весь мир тащится от вампиров? Это ж так романтично! Книг душещипательных сколько понаписано, сопливых сериалов снято. А все почему? Потому, что люди подсознательно хотят получить нашу силу, регенерацию, долгую жизнь, и ради этого любой хлебнет крови соседа – просто не все уверены, что у них получится нужный эффект. Да и сидеть в тюрьме потом неохота. Ну и по-хорошему, если разобраться, то

человек и есть самый гнусный кровосос на планете – все хомо постоянно пьют кровь ближних своих пусть не в прямом, так в переносном смысле. И под это свои законы подводят, мол, так оно и надо.

– Дать бы тебе в зубы промеж шупл, – сказал я, ощущая, как спазм, скрутивший желудок, потихоньку отпускает.

– Да ты не переживай, – продолжал щериться Хащц. – Те, что в аквариумах сидят, они ж не люди. Твари хуже животных. Понабежали в Зону ради наживы и за хабар готовы сами любому глотку перегрызть. Понимаю, ты сейчас морально мучаешься по этому поводу, но сам подумай – люди держат в клетках животных, которых считают примитивнее себя. Чисто ради развлечения. И не просто держат – специально разводят, массово убивают, жрут их. Ну а мы считаем себя лучше людей. Так почему б нам без всяких убийств не брать от них то, что нам нужно? Их тут нормально кормят, лесенки вон им поставили, чтоб они по ним лазили, физкультурой занимались. Телевизор вон висит под потолком, к видеомэгнитофону подключенный, смотри – не хочу. Все условия. Ну сдаст человечиска за этот сервис грамм триста крови в неделю, что, помрет, что ли? Нет, конечно. Зона всегда выполняет желания тех, кто в нее попал. Хотел безбедной и комфортной жизни? На, получи. Только за все приходится платить свою цену...

Хащц говорил что-то еще – похоже, после двойной дозы санги его прибило почесать языком. А мне на душе было экстремально мерзко. Хащц, конечно, был старый кореш, с которым мы в свое время немало походили по Зоне, но сейчас я понимал: ключевое здесь именно «был». Да, как говорится, весь вышел. Бывших друзей-товарищей порой так меняют обстоятельства, деньги и – особенно – власть, что порой диву даешься. Впрочем, метаморфоза известная, и удивляться тут нечему. Просто принять как факт и действовать по обстоятельствам.

Хотя сейчас я совершенно не представлял себе, что делать дальше. Я в каком-то кармане вселенной, нечто типа аппендикса Мироздания, и как отсюда выбираться – загадка. Да и несчастным людям, запертым в аквариумы, помочь хотелось. Правда, как это сделать, я тоже понятия не имел. Ладно, поживем – увидим. А пока самое верное и правильное – это подыгрывать бывшему корешу, усыпить бдительность и заодно разузнать побольше об этом месте.

– А у тех, наверху, почему другие баллоны на спине? – поинтересовался я, чисто чтоб тему поддержать. И так понятно почему, для тех же целей, но, наверно, просто более продвинутое оборудование.

Но я ошибся.

Хащц самодовольно ухмыльнулся.

– Санга тем хороша, что и нашей расе идеально подходит, и для хомо просто подарок. Они на ней могут сутками напролет работать, при этом не устают, и кормить их почти не надо. И эффективность работы мозга повышается многократно. Только пить они ее не могут, блюют. Потому приходится им ее прямо в сонные артерии впрыскивать через катетеры. Но очень дозировано, маленькими порциями каждые пять минут. Тогда эффект получается просто замечательный.

– И устройство это изобрел тот же ученый, что придумал сангу, – сказал я.

– Угадал, – кивнул Хащц. – Талантливый, зараза. Подумываю его инициировать и сделать своим советником. Что скажешь?

– Не боишься, что, получив силу ктулху, он тебя с твоего поста сместит и сам станет тут рулить? – усмехнулся я.

Хащц почесал в затылке.

– Блин, об этом я как-то не подумал. Шибко умные, они такие, от них вечно одни неприятности. Ладно, значит, обойдемся без советника. Хотя, думаю, ты на это место вполне подойдешь. И инициировать не надо. Вместе мы ух каких дел наворотим!

– Ага, – сказал я. – Наворотим. Обязательно. Но только давай завтра. Спать хочу больше, чем медведь бороться.

– Кстати, да, – согласился Хащц – видимо, сегодняшней день вкупе с интенсивным трепом утомили и его, несмотря на допинг сангой. – Мы дрыхнем этажом ниже, там все условия и удобства. Сейчас наших рабочих хомо с первого этажа в аквариумы загоним и завалимся хари давить.

– Они тоже здесь отдыхают? – удивился я. – Мне показалось, что они типа элита.

Хащц пренебрежительно фыркнул.

– Хомо не может быть элитой. Элита – это мы, высшая раса планеты. А хомо – это уже материал для использования: рабы либо кормовой скот. На большее они не годятся.

Мне подумалось, что история однозначно учит: те, кто считал себя высшей расой, а всех остальных пылью под своими ногами, обычно рано или поздно отхватывали эпических трендюлей и в итоге заканчивали очень плохо. Но вслух ничего не сказал. Хащц был опьянен не только сангой, но и свалившейся на него властью, которая сносит башню хуже любого алкоголя, и сейчас что-то ему доказывать и объяснять было бесполезно. Потому я поинтересовался, где мне можно прилечь внизу, и, удовлетворившись ответом «где хочешь, там и ложись», на ближайшем эскалаторе уехал в местную опочивальню.

Которая, кстати, выглядела довольно примитивно.

Прямо на полу лежали толстые матрасы, не всегда чистые – душевых я здесь не заметил. Оно и понятно: не радиоактивная вода здесь стоит немереных денег, а мыться зараженной дураков нет даже среди ктулху. Ну и пофиг. Я не первый день в Зоне, привык ко всему, так что провонявшие зоопарком лежащие места как-нибудь переживу.

Выбрав наименее грязный матрас, я завалился на него, вместо подушки приспособив собственный хвост, и моментально вырубился.

* * *

И приснился мне будильник.

Обычный советский будильник послевоенного выпуска с двумя звонками наверху, похожими на грибы, – такие раритеты еще можно найти в старых домах Припяти, причем вполне рабочие. Что, кстати, неудивительно – в пятидесятые-шестидесятые годы прошлого столетия качество выпускаемой продукции в СССР было очень неплохим.

Заведен тот будильник был на плюс четыре часа от той минуты, когда я завалился спать. Я понятия не имел, сколько сейчас времени в этом кармане вселенной, потому и мозг мой нарисовал во сне циферблат с цифрами от единицы до четырех. И когда часовая стрелка, совершив полный оборот по циферблату, замерла в верхней точке, маленький молоток начал неистово лупить по двум полукруглым звонкам, которые хоть и вибрировали, но звука не было. Впрочем, мне и мельтешения молоточка хватило, чтоб страдальчески поморщиться – и проснуться уже от того, что ожившие щупальца неприятно защекотали шею. Блин, по ходу, придется приспособливаться к новшествам в организме, чтоб они не будили среди ночи.

Хммм... А ведь это я у себя в голове тот будильник завел. Умею я такое – чувство времени с детства есть, тогда и придумал эту фишку, которая не раз потом выручала. Кстати, а за каким ктулху я тот будильник завел?

Чтоб окончательно прийти в себя, я резко оторвал голову от мягкой и удобной «подушки», которая во сне воспринималась именно так, резко встал – и чуть не заорал благим матом от боли, прищемив лапой собственный хвост, который додумался подложить под голову.

Ладно, учтем. Ошибки нам даны для того, чтобы не повторять их в будущем. Зато, отдавив клешней пятую конечность, я от боли сразу пришел в себя после сна и вспомнил все.

Ну да, конечно.

Пленники.

Хоть я и превратился в монстра, но на мозги мои, к счастью, это не повлияло. И они мне выдали, что, мол, это не дело, когда живых людей превращают в дойных животных. Я их тогда в зале аквариумов четырнадцать человек насчитал плюс семеро в зале. Итого двадцать один.

Конечно, где-то подспудно мелькнула мысль: «А оно мне надо?» Казалось бы – прими как данность существующее положение вещей, не твое это дело. В чем-то Хащц, кстати, прав: наверняка среди них все поголовно преступники, отправившие немало живых существ на тот свет.

Но если так рассуждать, то я среди них самый ужасный преступник и есть – убитых людей и мутантов на моем счету множество. Потому, на мой взгляд, такое объяснение не канает. Любому кровопийце нужно обоснование того, что он творит, и это понятно – чисто чтоб совесть потом не мучила. А у меня есть мой гребаный моральный кодекс. И если я решил, что что-то неправильно, то об стенку расшибусь, но буду пытаться исправить то, что, по моему мнению, несправедливо.

Вот и теперь решил я, что держать людей в стеклянных казематах и доить из них кровь – это неправильно. И потому сейчас я очень аккуратно шел мимо ктулху, дрыхнувших на матрасах.

Некоторые мутанты храпели, и щупальца у них тряслись при этом довольно забавно, но мне было не до смеха. Я крался – и думал о том, что занимаюсь совершенно немислимой ерундой, так как плана у меня не было совершенно никакого, от слова «совсем». Как можно свалить с толпой пусть даже освобожденных пленников из подземного бункера, при том, что я всех своих суперспособностей лишился? Ну да, «Бритва» в лапе осталась, но, судя по тому, с каким трудом я засовывал свой нож обратно, смогу ли я ее достать? И, достав, сумею ли воспользоваться? Если способности закончились у меня, то не исключаю, что и она теперь просто обычный нож, умеющий вылезать из моей руки. Тогда на поляне сработала со скрипом, пока во мне еще что-то человеческое оставалось, но сейчас-то я уже вполне сформировавшийся ктулху.

Я мысленно представил, как «Бритва» вылезает из моей ладони. Хорошо так представил, образно, в деталях, даже к привычной боли приготовился – когда клинок изнутри раздвигает плоть и кости, это та еще пытка...

Представил – и не получил ровным счетом ничего. Даже ладонь не защекотало.

Блин... Я был морально готов к такому повороту событий, но оказалось, что готов недостаточно. На душе стало как-то пусто и тоскливо, словно я похоронил старого друга, причем в себе самом. Именно похоронил, так как не достать мой нож из лапы, даже если ее рассечь вдоль от кисти до локтя – я прекрасно помнил, что в моей плоти она хранится в бесформенном, полужидком состоянии, видел однажды.

Стало быть, все. И человеком я быть перестал, и «Бритвы» лишился. Так, может, сейчас я так и задумал, самоубиться, бросившись на пулеметы охраны, просто сам себе пока в этом не признался? Просто повод придумал – пленники, – а на деле это просто игры сознания того, кто не хочет жить в теле чудовища и подсознательно приготовился к смерти?

Не знаю.

Анализировать то, что я сейчас делал, – занятие глупое и бесполезное. Иногда существа разумные действуют по наитию, с первого взгляда нелогично, и ведет их шестое чувство, чуйка, которая свербит в мозгу и словно шепчет беззвучно: «Делай! Не думай, не задавай вопросов, просто делай!»

И ты идешь – и делаешь.

И тогда возможны два варианта: или чуйка не ошиблась и ты молодец, вообще крут и победитель по жизни. Или же не было никакой чуйки, просто ты сам себе на нервах накрутил в башке какую-то ерунду и сейчас лежишь себе на полу с мордой, развороченной пулями. Остываешь. И ни фига тебе больше на этом свете не нужно – ни вселенской справедливости, которой

нет и не было никогда, ни придуманных тобой высоких идеалов, ни оправданий собственной тупости, которые сейчас уже абсолютно на фиг никому не упали, и прежде всего – тебе...

Я усмехнулся.

Зона дала мне фантастические способности – и Зона отняла их у меня. Но одного она отобрать не смогла: моей дурной привычки перед либо во время грандиозного хипежа гонять в голове всякую псевдофилософскую чушь. И примета у меня со временем выработалась: если та чушь начинает гоняться внутри черепа, значит, хипеж и правда обещает быть грандиозным.

И на этот раз та примета оказалась на редкость верной.

Я удачно вышел из спального зала, никому не наступив на лапу и не задев хвостом ничьего носа. Уже неплохо. Стало быть, можно сделать вывод, что владеть новым телом я научился довольно быстро. Хоть какие-то хорошие новости.

Эскалаторы ночью не работали, но я не гордый – шустро взбежал наверх, перепрыгивая через две ступеньки... и чуть не сшиб с ног охранника, который молниеносно отпрыгнул назад и резко навел на меня ствол пулемета. Как очередь не дал – я без понятия, но обошлось. Думаю, с трех метров прицельная очередь в морду из ПКМ легко отправила бы меня на встречу со всеми, кого я грохнул за свою жизнь, – предполагаю, они мою персону ждут не дождутся в Краю вечной войны.

– Чо надо? – рявкнул ктулху, недвусмысленно качнув стволом.

– Туалет ишу, – ляпнул я первое, что пришло в голову.

– Ну, допустим, – пророкотал мутант, уже несколько менее агрессивно. Но ствол так и не опустил, сволочь. – Спасибо, что кучу в углу не навалил. Только на спальном этаже свой туалет есть.

Я сделал лицо любопытного идиота – не уверен, что получилось, но я очень старался.

– Где?

– Та твою ж маму, – ругнулся ктулху, опуская ствол. – Ладно, иди уже. Проще здесь показать, чем объяснять, где он там.

И ткнул когтем влево.

– Вон туда иди, за угол. На унитаза не садись, ломаешь.

– А как? – совершенно искренне поинтересовался я – чисто на будущее, для расширения кругозора.

– Зависни, как вертолет над Зоной, – хмыкнул ктулху. – Отбомбился – и на выход. Только смотри, чтоб бомбой хвост не задело.

И заржал, аж щупла венником растопырились.

Блин, дался им мой хвост! Не иначе, завидуют, подонки, – классная же штука! Что я ктулху немедленно и доказал.

– А, понял, ладно, – сказал я, дружелюбно улыбаясь и подходя ближе.

Охранник сделал шаг в сторону, освобождая мне проход, – и получил резкий удар локтем в челюсть. Человек бы от такого сразу умер, ибо со сломанной шеей люди не живут. А ктулху лишь слегка «поплыл». Покачнулся, словно раздумывая, падать ему или нет, но упасть я ему не дал – выхватил из ослабевших лап пулемет, после чего прикладом нанес мутанту второй удар под дых. И, когда ктулху согнулся, захлестнул ему шею хвостом и сдвинул.

Мут захрипел, дернулся раз-другой – и обмяк. Заснул, как борец, попавший на удушающий. Ну и нормально, убивать соратников Хащца я не хотел. Одно дело – испорченные отношения, другое дело – кровная месть. Неприятно, когда бывший друг хочет тебя замочить, а что после сегодняшней ночи Хащц станет именно бывшим другом, я не сомневался.

Уложив сомлевающего мутанта на пол, я взял пулемет под мышку и направился к стационарному пульту на стойке, который заметил, еще когда осматривал зал с «аквариумами». Похожее устройство я в кино видел про американскую тюрьму – мелкие кнопки открывают

камеры по отдельности, а одна крупная, под колпачком, – сразу все, видимо, на случай эвакуации заключенных.

Тут было то же самое. И даже на колпачке замочек присутствовал, который я оторвал вместе с колпачком, после чего нажал на кнопку.

Передние стенки «аквариумов» почти бесшумно открылись. Заключенные, которые дрыхли прямо на полу, один за другим медленно поднимали головы. Движения неторопливые, взгляды безразличные. Именно так выглядят люди, потерявшие веру в продолжение нормальной жизни. Мозг вгоняет себя и тело в некое подобие психологического анабиоза, что тоже есть своеобразный способ выжить и не рехнуться от происходящего.

– Выходим-выходим, не задерживаемся, – негромко рыкнул я.

– Зачем? – после небольшой паузы спросила какая-то девица – как ни странно, среди заключенных и лицо женского пола имелось. Интересно, где ее нашли в Зоне подручные Хашща?

– Выметайтесь наххх! – прошипел я. Еще не хватало тут полчаса рассказывать слезливую историю о том, как я превратился в сердобольного монстра.

– А, ясно, – кивнула девица, потрянув копной грязных спутанных волос. И кивнула на пулемет в моих руках: – Так бы и сказал, что на расстрел выводишь. Академик говорил, что его команда скоро изобретет полностью синтетическую сангу и мы станем не нужны. Видимо, изобрел.

– Академик?

Я напрягся.

Академик в Зоне был только один, вряд ли другое светило науки в своем уме поперется на зараженные земли. Так, может, не случайно спина и седина на затылке у одного из компьютерных гениев Хашща показались мне знакомыми?

– Ага, – сказала девица. – Вон он валяется, в соседней камере, изображает, что спит.

Я шагнул было к тому стеклянному кубу, на который указала бывшая заключенная с прической, похожей на пучок колючей проволоки, но узник, лежавший на полу спиной ко входу, приподнялся с пола и повернулся сам. Его лицо попало в слабый, рассеянный поток света, льющегося из круглого потолочного плафона, и я удивленно выдохнул:

– Ну надо же...

– Да-да, – произнес академик Захаров. – Полагаю, вы обо мне наслышаны, господин хомо моллюскус. Правда, не возьму в толк, зачем вы сюда явились ночью, вырубив охранника. Я думал, вы с Хашщем друзья.

– Я тоже так думал, – сказал я, разглядывая светило науки.

Изменился Захаров с последней нашей встречи. Осунулся, постарел еще больше – заключение в тюрьме никого не красит. Правда, на безымянном пальце появилось кольцо с ярко-красным камешком, похожее формой на обручальное. Женился, что ли, академик на старости лет? И уж не на этой ли стервозной дамочке из соседнего аквариума? Впрочем, это все не мое дело, я сюда за другим пришел.

– Но давайте разговоры оставим на потом, – продолжил я. – Как это ни банально прозвучит, но я пришел вас спасти, и для начала нужно вывести отсюда всех заключенных...

Академик рассмеялся.

– Полноте, сударь, похоже, вы бредите. Тюрьма не эти стеклянные кубы и даже не этот бункер. Тюрьма – весь этот искусственный мини-мир, созданный моим учителем как идеальное убежище. Да-да, представьте, у меня был учитель, гениальный физик, который посредством управляемых цепных реакций научился создавать микромиры за пределами нашей вселенной. Чисто чтобы было место, куда можно уйти, дабы никто не мешал спокойно работать. Я к тому, что нам отсюда не выбраться, потому нет смысла покидать эти прозрачные казематы – все равно прислужники Хашща найдут нас, и тогда уже точно уничтожат.

Академик всегда был многословен, и я точно знал, что, пока он не выговорится, призывать его к чему-то совершенно бесполезно. Признаться, первым моим желанием, когда я его увидел, было оторвать ему голову, ибо крови он мне попортил изрядно. Но я прекрасно помнил, что единственным, кто реально может вернуть мне человеческий облик, был именно Захаров – действительно великий ученый, досконально знающий Зону и умело использующий ее аномальные возможности.

Разумеется, использовал он их в своих целях, зачастую просто кошмарных. Этот человек мог запросто уничтожить всю нашу планету просто ради научного эксперимента – и, конечно, в целях безопасности планеты следовало бы его ликвидировать. Но Захаров был мне нужен, и сейчас подвернулся отличный случай сделать академика мне обязанным. Так что планете придется подождать.

Но, к сожалению, мне в голову не приходило ни одной путной идеи, как вытащить нас отсюда. И заключенные это поняли, видя, как я стою столбом, переваривая сказанное ученым.

– Да ну на фиг, – сказал один из них. – Тоже мне, освободитель нашелся. Тут хоть кормят нормально, тепло, светло, и квазимухи не кусают. А кровь сливать вообще полезно для организма. Так что слышь, герой хвостатый, закрой-ка мой аквариум, а то дует от вентиляции.

Похоже, остальные думали так же... кроме девицы и Захарова. Эти двое, в отличие от остальных узников, вышли наружу из своих камер, подошли ко мне.

– Впрочем, есть одна идея, – негромко произнес академик. – Как я понимаю, вы, несмотря на нетипичный хвост, тоже принадлежите к виду хомо моллюскус, которых в Чернобыльской Зоне принято называть ктулху. И если это так, то с высокой вероятностью можете, как и остальные мутанты этого вида, создавать «кротовые норы» в режиме невидимости.

– «Кротовые норы»? – удивилась девица. – Это что?

– Сквозные отверстия в пространственно-временном континууме, – терпеливо пояснил Захаров.

– А, ясно, – фыркнула его собеседница. – Так бы сразу и сказал.

М-да, характер у нее не сахар, сразу чувствуется. Хотя на внешность может быть вполне ничего. Грязь с лица отмыть, причесать, глядишь, даже симпатичной окажется – по людским меркам. Хотя мне уже, наверно, положено присматриваться к самкам теперь уже своего вида, а не на человеческих особей заглядываться.

– Ктулху, чтобы пробивать «норы», нужно выходить в режим невидимости. А я понятия не имею, как это делается, – сказал я.

Захаров прищурился.

– Да вы, батенька, как я погляжу, из свежеиницированных.

– Вы догадливы, – кивнул я, ощущая, как во мне стремительно накапливается раздражение – обычная моя реакция при общении с вредным старикашкой.

– Насколько я знаю, хомо моллюскус инициируют режим невидимости, максимально сильно растопыривая лицевые щупальца и усиленно представляя, что они стали прозрачными, – сказал Захаров. – У них в районе ушных отверстий расположены особые железы, которые при растягивании быстро и мощно вбрасывают в кровь особый гормон, запускающий процесс обесцвечивания тканей организма. Ну и психологическая накачка, конечно, помогает.

Я времени терять не стал. Буркнул:

– Благодарю. Надеюсь, справлюсь, – и, раскрыв пасть максимально широко, представил, что я хочу щуплами зафиксировать профессору голову, прокусить шею и выпить старого мерзавца до состояния мумии.

По ходу, желание это было настолько искренним, что Захаров невольно отшатнулся – видимо, что-то в моих глазах прочитал. Но боялся он зря. Я лишь себя накручивал, вспомнив, что все ктулху, которых я встречал в Зоне, и правда перед тем, как выпасть в режим невиди-

мости, щупла растопыривали так, что того и гляди сейчас морда разорвется на части. Ну и стеклянным себя представил, само собой.

В общем, постарался от души – и это было больно, как если б я себе, будучи человеком, решил разорвать рот несколькими крупными рыболовными крючками, аж в глазах слегка помутнело. А когда эта секундная муть прошла, я понял, что прекрасно вижу мраморную плитку пола через собственные лапы. И пулемет трофейный забавно смотрелся – он словно висел в воздухе рядом с небольшим продолговатым темным пятном, похожим на вытянутую галактику.

Понятно. В моей лапе продолжала покоиться «Бритва», находящаяся, как обычно, в некоем агрегатном состоянии, из которого она легко трансформировалась в боевой нож, когда выходила из моей ладони.

Я отметил, что Захаров мазнул взглядом по этому пятну, но по поводу него ничего не сказал, а произнес следующее:

– Ну, кажется, с невидимостью у вас все получилось. А насчет «кротовых нор» – это уж вы сами как-нибудь.

Кстати, невидимость моя была осязаемой. Это было странное и неприятное ощущение, словно я надел на себя некий плотно облегающий плащ, при этом намазанный каким-то маслом изнутри, и мне постоянно приходилось предпринимать серьезное волевое усилие, чтобы он не соскользнул с меня. Опыта в таких делах у меня было немного, и я понимал, что еще от силы полминуты, и моя невидимость сползет с меня, словно шкура с линяющей ящерицы. Да и вообще следовало поторопиться – либо охранник придет в себя и заорет, либо, по закону подлости, кому-то из спящих этажом ниже приспичит проснуться и прогуляться по бункеру.

Потому я, не особо раздумывая, просто рубанул ладонью по воздуху так, словно в ней была зажата «Бритва», при этом мысленно представив, как пространство расходится в стороны от моего удара, словно края глубокой раны. И точку выхода из «кротовой норы» нарисовал в своем воображении хорошо, в деталях, ибо бывал в тех местах неоднократно.

Опыт прохождения между мирами у меня имелся немалый, и, возможно, это поспособствовало тому, что у меня все получилось с первого раза. Правда, тяжело – «Бритвой» это получалось гораздо легче. А тут словно ладонью гигантскую медузу рассек, плотную такую, желеобразную, тут же попытавшуюся стянуть края раны. И мне пришлось мысленно очень сильно напрячься, чтоб «кротовая нора» сразу не закрылась. Так, что аж затошнило, и хвост почему-то непроизвольно задергался.

– Быстрее! – прошипел я – ишь ты, оказывается я тоже умею жутко и неприятно шипеть, прям как настоящий ктулху.

Девушка оказалась понятливой и шустрой – мухой метнулась в «кротовину». А академик задержался на несколько мгновений, зачем-то ногтем ковыряя в своем кольце красный камешек размером с четверть спичечной головки. Нашел, блин, время заниматься чисткой ювелирного изделия.

– Быссстро!!! – шепотом заорал я. – Не удержжжу!!!

– Да-да, я уже, – быстро проговорил Захаров, дернувшись от неожиданности, – шипел я от души, аж самому мерзко стало от собственного шипа.

В результате академического дерганья произошла небольшая авария – камешек из кольца выпал, покатился по полу и исчез в стыке между мраморными плитами. Ну вот, дозанимался Захаров ерундой, другой настолько яркий камень багрового цвета вряд ли получится с ходу найти, тем более – в Зоне. Правда, с деньгами у ученого всегда было отлично, потому не сомневаюсь, что проблему восстановления своего кольца Захаров решит быстро. Если, конечно, нам удастся отсюда выбраться. Потому что со стороны эскалатора слышалось громкое буханье подошвами по ступеням – кто-то бежал сюда со всех ног, и я даже догадывался кто.

Захаров тоже услышал и с несвойственным его возрасту проворством нырнул в «кротовую нору». Я – следом, уже не забывая о «плаще» невидимости, который сполз с меня моментально, как только я перестал его контролировать. И, соответственно, портал, открытый мной, сразу же стал стремительно сжиматься...

Но ктулху умеют не только хлебать кровь зазевавшихся сталкеров, поигрывая при этом впечатляющей мускулатурой. Мы еще и передвигаться умеем с помощью этой мускулатуры так, что людям и не снилось. Любой сильный зверь при виде опасности может так рвануть, что человеческий глаз и не отследит молниеносного движения. И наша порода – не исключение.

В общем, я с такой скоростью метнулся в схлопывающуюся «кротовую нору», что башкой даже слегка поддал Захарова под зад, отчего он вылетел из разреза пространства, как пробка из бутылки. Я выкатился следом – из прыжка ушел в кувырок, отрететированный до автоматизма еще в те времена, когда я был человеком. И приземление, кстати, получилось намного мягче – хвост помог, амортизировал так же, как это делают рукой борцы при падении. Блин, я, кажется, реально с него тащусь! И как раньше без него жил – не пойму...

Кстати, с адресом высадки я промахнулся лишь немного.

Это был, несомненно, район озера Куписта, больше похожего на большое вонючее болото, которым оно по сути и являлось. И нам крупно повезло, что «кротовая нора» выбросила нас на берег озера, а не в него. Паскудное место. Мало того, что утонуть в этом озере можно запросто, как нечего делать, плеск болотной жижи и неизбежный при этом мой семиэтажный маг однозначно разбудили бы снарков, жутких с виду человекообразных тварей, живущих прямо в озере. Они, конечно, не ктулху по силе и размерам, но берут не физическими данными, а прыгучестью и количеством. Толпой настигают, в прыжке сбивают человека с ног – и все, считай, что отбегался сталкер по Зоне. Через несколько минут от бедолаги один обглоданный скелет остается. Такие вот, мать их, земноводные человекообразные пираньи водятся в озере Куписта.

До сих пор понять не могу, зачем Захаров в свое время распорядился строить свой многоуровневый научный комплекс в этом проклятом месте. Впрочем, когда его возводили, еще до Чернобыльской аварии, не исключаю, что это место было вполне себе живописным.

Не то что нынешняя унылая картина: прибрежная полоса, заросшая хилым, полумертвым камышом, и, собственно, само озеро Куписта – большая грязная лужа, из которой местами торчат крыши утонувших автомобилей, чьи-то кости, и пятна аномалий лениво колыхнутся на воде, покрытой радужными бензиновыми пятнами.

А над всем этим убогим пейзажем раскинулось небо Зоны с тяжелыми алыми тучами, набухшими кровью приближающегося Выброса – страшного явления, сметающего на своем пути все живое, не успевшее спрятаться ниже уровня земли...

Блин, что ж делать-то? В озеро, что ли, нырять? Потому что бетонная коробка бункера Захарова видна, конечно, отсюда, но до нее минимум километр. А Выброс – вот он, уже над нами! Еще минута от силы, и нас накроет цунами аномального вихря, и даже если взаправду нырнуть в озеро Куписта, то все равно под водой не отсидеться полчаса – минимальное время, которое продолжается Выброс, хотя зачастую он и дольше бушует над Зоной. Хоть я теперь и вершина пищевой цепочки, но жабр у меня нет, а у академика и наглой дамочки – тем более. Грустно. Интересно, куда после смерти попадают ктулху? В рай, ад, Край вечной войны, страну Токоё или еще куда? Впрочем, скоро я это точно узнаю.

Чумазая девица заметно нервничала, глядя на то, как кровавый цвет туч с каждой секундой становится все насыщеннее. А вот Захарову это все было абсолютно параллельно. Он, подслеповато прищурившись, с нескрываемым интересом смотрел на небо. Ну да, одно дело – любоваться Выбросом через какой-нибудь перископ у себя в бункере, и совсем другое – увидеть вживую это уникальное природное явление. Хотя лично я как-нибудь обошелся бы без этого потрясающего зрелища, пусть яркого, но однозначно последнего впечатления в жизни.

Но, поскольку я давно привык смотреть смерти в глаза, то положил на плечо приклад трофейного пулемета, держа его за ствол, и в эдакой живописной позе тоже уставился на тучи, которые стремительно набухали алой кровью, становясь похожими на гигантские животы насосавшихся комаров. Бежать – бесполезно, спастись – нереально, так хоть напоследок полюбопытствую, что такое Выброс вблизи. А то много кто о нем рассказывает, да только по-настоящему его никто и не видел. Потому что те, кто видел, уже никогда никому ничего не расскажут.

И тут внезапно от столь возвышенного предвкушения смерти меня отвлек душераздирающий рев за спиной.

Я обернулся.

И не поверил своим глазам.

«Кротовая нора», через которую мы вернулись в Чернобыльскую Зону, почти закрылась...

Почти.

Может, она б и захлопнулась уже, но из нее, словно растолстевший крот из слишком узкой норы, лез Хащц. В режиме полуневидимости и в состоянии полной невменяемости. Глаза, налитые кровью, чуть из орбит не вылезают, рожа тоже красная, под цвет приближающегося Выброса, щупла во все стороны растопырены, толстые, мясистые. Похоже, схлопывающаяся «кротовая нора» нехило так сдавила Хащца, того и гляди совсем раздавит...

Но не раздавила.

Ктулху, прокачанный в Красном Поле Смерти, сделал невероятное усилие – и вывалился из «кротовины» на серую траву Зоны.

– Надо же, – невозмутимо произнес Захаров. – Повезло. А был бы хвост, все могло бы закончиться печально.

– Дался вам всем мой хвост, – проворчал я. – Может, если его «кротовиной» зажмет, я его отброшу, как ящерица.

– Сами понимаете, со стопроцентной гарантией ответ на этот вопрос может дать только эксперимент, – почесав переносицу, произнес академик.

Я уже хотел посоветовать вредному старикашке себе чего-нибудь зажать и отбросить в рамках эксперимента, как Хащц, продышавшись, вскочил с земли и ринулся на меня.

Двигался он очень быстро. Но, конечно, пуля всяко быстрее. У меня был в распоряжении пулемет, и, думаю, концентрированная очередь прямо в харю Хащца б остановила. Возможно, и отправила бы на тот свет. Но, в отличие от разъяренного ктулху, у меня не было желания его убивать – тем более что все равно нас всех через минуту-другую Выброс сметет с лица земли. Да и вообще, перед лицом неминуемой смерти убивать бывших соратников, на мой взгляд, как-то некрасиво.

В общем, Хащц несся на меня, а я стоял и смотрел на стремительно приближающуюся гору гипертрофированных мышц. И когда от этой горы до меня осталась пара метров, я резко сделал шаг влево и со всей дури шарахнул по морде ктулху прикладом пулемета.

Хащц был отличным бойцом, но таких подлых приемов не знал. Стоит себе жертва, покорно готовая принять удар несущихся на нее двухсот кило мышечной массы, – и вдруг выпадает из поля зрения, а вместо этого...

Хрясь!

Хоть и выглядит приклад ПКМ не особо надежным в плане использования его как дубины, а получилось эффективно.

И эффектно.

Получив им в башню, Хащц рухнул на спину, словно его не пулеметом, а паровозом приложило. У меня еще даже мысль успела мелькнуть, прозвучавшая в голове голосом Захарова: «Был бы хвост – точно б его сломал».

Правда, ктулху оказался довольно ударопрочным. Тут же вскочил на четыре лапы, мотнул башкой, разбрызгав во все стороны кровавые сопли, и снова ринулся в атаку.

Я попытался было еще раз двинуть его ПКМом, но тут Хашщ меня обхитрил – сделал обманное движение влево, и когда я ударил пулеметом на опережение, качнулся вправо, уйдя от моей атаки, и, прыгнув вперед, долбанул меня лысой башкой в подбородок, прям под пучок шупалец, в азарте драки растопырившихся во все стороны.

Как говорится, если хочешь победить, шуплами не хлюпай. Прямой удар в челюсть вещь катастрофически для нее неприятная – человек может запросто получить перелом жевательного аппарата в трех местах. У меня же в глазах моментально появились все созвездия зодиака, перемешанные в одну мерцающую кучу, но характерного треска сломанной кости я не услышал. Ну да, у ктулху челюсть намного толще, чем у хилых хомо сапиенс.

Однако, несмотря на толщину челюсти, удар Хашщца сбил меня с ног, причем произошло это тоже весьма эффектно. Я пролетел по воздуху несколько метров и смачно шлепнулся в прибрежную грязь озера Куписта.

И это было намного хуже, чем получить лысым черепом Хашщца по морде. Потому что я точно знал: любые громкие звуки однозначно разбудят тех, кто сейчас, задумчиво шевеля жабрами, спит в радиоактивных советских автомобилях, что были свезены сюда и затоплены после Чернобыльской аварии.

Снарков.

И свалить от этих злобных сухопутных пираний будет очень непросто, так как бежать придется, волоча с собой академика и ту чумазую дамочку, так как если взялся спасать кого-либо, то спасать надо до конца...

Все это моментально пронеслось у меня в мозгу, который, наверно, от смачного удара в жевательный аппарат совсем забыл о Выбросе...

А он о себе напомнил. Едва я успел вскочить на ноги, как он нас всех и накрыл, словно алое цунами, ринувшееся с небес на землю... но не достигшее ее. Зависшее над ней всего в какой-то паре метров.

Это было действительно незабываемое зрелище. Уверен, что никто из живущих на земле никогда не видел ничего подобного...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.